

Виктор Алеветдинов

Код Амура

Книга 9

Правила Чёрного дракона

Правило IX

Последнее правило —
переписать все правила

Городское фэнтези

18+

Виктор Алеветдинов

**Код Амура. Книга 9.
Правила Чёрного дракона**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Код Амура. Книга 9. Правила Чёрного дракона /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

За спасение Хабаровска расплатится один человек. Система уже выбрала Лизу — даже не спросив её. На набережной Амура расходятся ступени, а шаг к выходу становится согласием остаться. Белая магия удерживает землю под ногами и превращает спасённых в должников. Чёрное течение открывает путь, но меняет его раньше, чем люди успевают добраться до берега. У Лизы семьдесят два часа, чтобы найти причину сбоя и переписать правила, которые теперь угрожают городу. Её собственного имени недостаточно даже для доступа к терминалу. Рядом мать со скрипкой, чью мелодию вода научилась повторять без неё, и близкие, уже заплатившие за магию здоровьем и свободой. Лизе предлагают власть, способную остановить катастрофу. Но кто сможет отказаться от её спасения, если она начнёт решать за всех? Правило IX. Последнее правило — переписать все правила.

Содержание

Часть I. Все правила сработали	5
Глава 1. Восемь ошибок на воде	5
Глава 2. Мелодия в белом льду	9
Глава 3. Цена проводника	13
Глава 4. Два удара без звука	17
Глава 5. Маршрут с правом отказаться	20
Глава 6. Нулевой код	24
Глава 7. Дверь можно закрыть	28
Глава 8. Безопасность большинства	32
Глава 9. Имя автора	36
Часть II. Возвращение долгов	40
Глава 10. Закрытые события возвращаются	40
Глава 11. Долг на платформе	44
Глава 12. Тень не свидетельствует	48
Глава 13. Служение на один переход	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Алеветдинов

Код Амура. Книга 9.

Правила Чёрного дракона

Часть I. Все правила сработали

Глава 1. Восемь ошибок на воде

Лиза поймала женщину за локоть, прежде чем та успела поставить ногу на следующую ступень. Внизу, у самой воды, лежал её телефон. Экран ещё светился, но между ним и лестницей уже расходилась чёрная щель, в которой отражались ступени другой набережной.

— Оставьте его. Отойдите со мной.

Женщина потянулась к телефону свободной рукой. На экране было лицо мальчика, и Лиза поняла, почему её не слушают. Она закрыла спуск телом и повторила просьбу. На этот раз женщина отступила. Телефон скользнул в щель; свет погас раньше, чем он коснулся воды.

Над Амуром начинало светать. Несколько минут назад у Утёса вернулся голос. Теперь женщина всхлипывала, спасатель говорил по рации, и эти звуки помогали Лизе не смотреть на реку дольше необходимого.

На воде возникли пять параллельных линий. Они прошли вдоль берега, пересекая рябь, и у нижней ступени загнулась первая нота. Лиза узнала последнюю фразу Марины. Оставленный музыкой след продолжал двигаться. Между линиями проступили ледяные цифры. Одна сумма менялась при каждом всплеске, другая оставалась прежней; ни разу они не совпали.

Женщина рядом назвала мальчика по имени. На воде появилась надпись, и она сразу шагнула к ней. Лиза снова задержала её за локоть. Буквы сдвинулись к берегу, подставляя под ноги светлый прямоугольник, похожий на верхнюю ступень лестницы.

— Это ваш сын на фотографии? Он здесь?

— Дома. Он дома, я ему звонила.

— Тогда идём от воды. Здесь его нет.

Лиза передала женщину добровольцу с оранжевой повязкой. Перед добровольцем возникла стрелка, направленная к выходу у Утёса. Знак выглядел полезным, пока в основании не проступило имя женщины. Стрелка повернулась и указала вниз.

Лиза достала карточку Немого протокола с изображением двух людей. Эти карточки они делали для города, потерявшего речь. Сейчас голос вернулся, а привычка идти за любым понятным знаком могла погубить человека.

— Вы можете остаться на один проход? — спросила она добровольца. — Только от лестницы до верхней площадки. Сотрудник МЧС будет рядом.

— А потом?

— Потом решите снова. Если захотите уйти, скажите ему прямо.

Он посмотрел на щель и поправил повязку. Лиза ждала ответа, хотя хотелось просто вложить карточку ему в ладонь.

— На один проход согласен, — сказал доброволец.

Спасатель подошёл сам. Лиза показала ему карточку и объяснила маршрут. Он должен был идти первым, проверяя камень, а доброволец — замыкать группу и следить, чтобы женщина между ними не сбилась с пути.

— Сам вижу его лицо и слышу ответ, — уточнил спасатель. — За карточкой вслепую не веду. Так?

— Так. Если знак изменится, остановитесь. Даже если я буду махать вам с другого конца.

Марина окликнула её от парапета. В руках у матери был футляр, и Лиза на мгновение обрадовалась, что скрипка убрана. Марина спускалась к ним между людьми, стоявшими у ограждения.

— Лиза, сначала проверим участок.

— Они уже стоят на нём. Уводим сейчас.

Лиза повернулась к спасателю и показала верхнюю площадку. Разрешения матери она не дождалась. Доброволец взял женщину под руку только после её кивка, и все трое двинулись вдоль парапета. Первые два шага ничего не изменили. На третьем под подошвой спасателя вспыхнула белая полоса.

Он остановился и попытался отступить. Нога согнулась в колене, но ботинок остался на камне. По белому краю прошла надпись: «Пребывание подтверждено». Женщина вскрикнула. Доброволец повернул карточку к спасателю. Изображённые люди побелели, а между ними появилась печать согласия.

— Карточку вниз, — сказала Лиза. — Не рвите её. Смотрите друг на друга.

Она подошла сбоку. Полоса лежала поперёк единственного прохода между парапетом и чёрной щелью. Регистр поймал движение к выходу и записал его как решение остаться. Доброволец смотрел на испорченную карточку. Лиза помнила собственную растерянность, когда так же исчез её профиль.

Марина поставила футляр на каменную скамью и потянулась к защёлке. Нотные линии поднялись ближе к поверхности, и полоса под ногами спасателя стала шире.

— Мама, не играй. И в воду не входи.

— Я могу дать им паузу.

— По твоему следу уже идут. Дай мне проверить отказ.

Марина убрала руку с футляра, но осталась у спуска. Лиза прижала ладонь к холодному парапету, чтобы не потерять равновесие, и поставила носок ботинка на край полосы. Камень под подошвой перестал ощущаться. Возникло неприятное чувство, что ногу придерживают за щиколотку сквозь обувь.

— Я не согласна оставаться здесь, — произнесла Лиза. — Этот шаг сделан, чтобы выйти.

У края ступени щёлкнул лёд. Надпись дополнилась словом «отказ», но ботинок спасателя не освободился. Для отказа ей опять предлагали подтвердить полномочия. Сначала требовалось доказать, что она существует.

— Вы слышали, что я сказала? — спросила она обоих мужчин.

— Слышал, — ответил спасатель. — Ты уходишь с участка.

— И я слышал, — сказал доброволец. — Согласия остаться не было.

Белый край отступил на ширину ладони. Лиза сняла ногу с полосы и отошла ещё на шаг, не отпуская парапет. Надпись распалась возле неё. Через образовавшийся промежуток спасатель сумел вытащить ботинок. Он сразу повернулся к женщине, но не потянул её за собой.

— Здесь можно пройти, — сказал он. — Пойдёте со мной?

Она кивнула и переступила полосу. Доброволец прошёл следом, держа испорченную карточку рисунком к себе. За последним человеком белый край снова сомкнулся. Отказ освободил короткий проход; на остальном берегу шаг по-прежнему считался согласием остаться.

У лестницы осталось ещё шестеро. Мужчина в спортивной куртке хотел снять происхождение, и Лиза попросила его убрать телефон. Вместо камеры на экране открылась форма подтверждения места. Он поспешно спрятал устройство в карман.

— Отсюда есть нормальный выход? — спросил он. — Без ваших проверок?

— Есть верхняя площадка. До неё надо пройти этот участок.

— Тогда включите белое. Там хотя бы земля под ногами.

Мужчина указал на светлый камень у лестницы. Рядом чёрный разрез поглотил часть ступени, а белая поверхность оставалась целой. Лиза показала надпись о подтверждённом пребывании. Мужчина прочёл её и встал к остальным.

Спасатель вернулся с добровольцем. Женщина наверху уже звонила домой с чужого телефона. Лиза показала аварийный терминал возле выхода с лестницы. Через него Дом управлял местным маршрутом; крышка защищала экран от дождя.

— Мне нужно отключить этот проход от записи, — сказала она. — Пока он связан с водой, каждый новый человек попадёт на полосу.

— Мы остальных выведем? — спросил спасатель.

— После отключения. Пока отведите их от нижней ступени и стойте рядом.

Лиза открыла крышку терминала. Вместо сведений о местном участке на экране горели восемь сообщений об ошибке. Она приложила палец к считывателю и получила знакомый ответ: запись пользователя неполная. Пропуск Дома позволял открыть журнал, но права изменить маршрут оставались недоступны.

Она попробовала аварийный профиль. Он был привязан к работе на участке и пережил потерю её городского статуса. Под ошибками появилась кнопка ручного отключения. Лиза коснулась её, прежде чем кнопка посерела.

Все сообщения обновились одновременно. Лиза убрала руку и проверила время событий. Сбои были зарегистрированы в одну и ту же долю секунды. Адреса вызова тоже совпали: восемь разных условий получали команду из одного места.

Лиза подозвала обоих мужчин к терминалу. Марина заняла их место у лестницы и остановила мужчину, пытавшегося обойти полосу вдоль края.

— Посмотрите сюда оба. Верхняя запись и нижняя. Источник одинаковый?

Спасатель наклонился к экрану. Доброволец провёл пальцем по строкам, не касаясь стекла, и прочёл адрес вслух. Совпадение было перед ними; его уже нельзя было списать на ошибку её неполного профиля.

Вода ударила в лестницу. Нотный стан сместился, цифры на реке замерли, а восемь сообщений на экране выстроились одно под другим. Под ними возникла девятая строка. Поле источника осталось прежним. В поле автора было указано полное имя Лизы.

— Они же тебя не пустили, — сказал доброволец.

— Не пустили. А автором записали.

Она попыталась раскрыть новую строку. Терминал вывел две модели Хабаровска. В первой белый контур закрывал все отмеченные разрывы; рядом было обещание сохранить действующие маршруты при обязательной фиксации жителей. Во второй швы оставались открытыми, и путь мог меняться вслед за течением. Плату за переход предлагалось назначать по старому правилу. Нижняя часть экрана требовала выбрать модель.

Кнопка возврата исчезла, журнал закрыло окно выбора. За спиной послышался скрежет: край лестницы сдвинулся на несколько сантиметров в сторону реки. Марина отвела людей к терминалу. До верхней площадки им оставалось пройти белую полосу, которая уже вытянулась до самой скамьи.

— Что он требует? — спросила мать.

— Выбрать город. Для начала я отключу здесь запись шагов.

— Какая цена?

Лиза нашла ручной рычаг под экраном и сняла защитную скобу. Терминал открыл предупреждение: после разрыва её аварийный профиль будет исключён из действующих. Вернуть доступ могла только полная запись пользователя, которой у Лизы не было.

— Потерю этот доступ, — сказала она. — Вернуть участок так же уже не получится.

Марина посмотрела на рычаг. Лиза ждала требования остановиться, но мать повернулась к людям на белом камне.

— Свидетели есть? — спросила Марина.

Оба мужчины подтвердили, что видели предупреждение. Лиза попросила их запомнить: модель города она не выбирала, а отключала местный участок. Затем отвела рычаг до упора. Внутри корпуса разомкнулся контакт, экран погас, и белая полоса под ногами людей рассыпалась на отдельные пятна.

Спасатель первым вышел на освобождённый камень. Доброволец остался у лестницы и приглашал каждого пройти, дожидаясь ответа. Марина подняла футляр и повела группу к верхней площадке. Мужчина со спрятанным телефоном задержался возле Лизы.

— А если всё начнёт проваливаться? Белое ведь остановило.

— Этот проход остановился вместе с вами, — ответила она. — Сейчас можно уйти.

Он посмотрел на спасателя и пошёл вслед за ним. Последним поднялся доброволец. Лестница опустела. Дрожащими пальцами Лиза со второй попытки закрыла защитную скобу. Марина ждала рядом, не торопя её.

Терминал снова включился от резервного питания. Лиза машинально поднесла пропуск, но получила отказ: аварийный профиль исключён. Местный маршрут остался отключённым, а девятая строка вернулась без изменений. Теперь она видела, что поле выбора относится ко всему Хабаровску, а не к этой лестнице.

Под двумя моделями возник обратный отсчёт. До принудительного выбора города оставалось семьдесят два часа. Лиза позвала спасателя и добровольца обратно к экрану, чтобы они увидели срок, а Марина подняла футляр выше мокрого камня. За их спинами освобождённые люди выходили с набережной.

Глава 2. Мелодия в белом льду

Марина опустила футляр на скамью. С нижней лестницы донеслись первые такты её мелодии, и мужчина, только что прошедший мимо спасателя, повернулся к воде. За ним остановились ещё двое. Они начали дышать одновременно.

Скрипка лежала в футляре. Марина прижала крышку ладонью и посмотрела на Лизу. Дочь стояла у терминала, отсчитывавшего время до выбора города. Отключённый участок оставался свободным, но выше, между скамьей и выходом с набережной, камень разошёлся поперёк дорожки.

— Отойдите от края, — сказала Марина мужчине. — Смотрите на меня.

Он повернул голову, а ноги уже шагнули вниз. Марина взяла его за рукав и почувствовала, как напряглось плечо. Мужчина не пытался вырваться: его тело продолжало движение, пока он с недоумением смотрел на её руку.

— Я слышу музыку, — сказал он. — Она оттуда.

Внизу, на воде, побелели нотные линии. Последнюю фразу, которой Марина помогла вернуть городу голос, теперь повторяли без неё. Мужчина вдохнул в такт вместе с двумя стоявшими рядом. Марина отступила, заставив его повернуться всем корпусом, и следующий вдох у него сбился.

— Со мной останетесь? До скамьи.

— Останусь. Только отпустите руку.

Она разжала пальцы. Мужчина сделал шаг сам, и Марина повела его к спасателю. Позади скрипнула лестница. На нижней площадке появилась ещё одна щель, а под парашютом открылась третья: в ней каменная дорожка продолжалась на другой высоте, уходя прямо в реку.

Марина указала спасателю на свободный участок возле терминала. Сверху подходили люди, привлечённые светом на воде. Путь вдоль берега пересекала первая трещина, и толпа начала скапливаться возле скамьи. Музыка слышали все. Женщина с телефоном перестала говорить, прижала аппарат к груди и повернулась туда же, куда мужчина минуту назад.

— Разведите их, — попросила Марина. — По три-четыре человека. Пусть разговаривают между собой, каждый в своём темпе.

— Куда разводить? — спросил спасатель, глядя на трещину.

— Пока к стене. Подальше от парашюта. Проход проверим.

Она попросила женщину назвать улицу, на которой живёт её сын. Объясняя дорогу от остановки, та перестала дышать в такт мелодии. Марина передала её добровольцу. У терминала пожилой мужчина спорил с соседом. Марина обрадовалась этому сбивчивому разговору.

— Не считайте вдохи вместе, — сказала она добровольцу. — Если человек замолчал и смотрит вниз, спросите его о чём-нибудь простом.

— А вы будете играть?

— Проверю, можно ли остановить эту музыку. За мной повторять не надо.

Максим спустился с верхней площадки и присел у поперечной трещины. Между краями показалась вода, хотя до реки отсюда было несколько метров.

— Сверху сюда ведёт целая дорожка, — сказал он. — Но у вас выход разрезан.

— Ещё два шва ниже. Людей тянет на звук.

Максим посмотрел на скамью, куда спасатель подвёл первую группу, и снял с плеча верёвку. Закрепив её за неподвижную часть ограждения, он протянул свободный конец вдоль стены. Спасатель принял его и проверил узел. Теперь у людей была неподвижная опора.

Марина открыла футляр. Продольная трещина на смычке темнела в середине трости. Она осторожно натянула волос и проверила дерево большим пальцем. Повреждённая трость слегка подалась.

— Мама, я вижу нижний шов с камеры, — сказала Лиза. — Отражение идёт раньше человека. На полшага.

Дочь показала экран. У лестницы отражённый доброволец повернулся лицом к воде, хотя настоящий стоял спиной к реке. Марина поднесла скрипку к плечу, но перед первой нотой обернулась к Лизе.

— Поднимись за Максима. Оттуда говори мне.

— Почему?

— Здесь тебя может захватить вместе с остальными.

— Наверху я перестану видеть их лица. Камера показывает спины. Ты сама просила проверить живой ответ.

Марина хотела сказать, что дочь уже потеряла доступ и ей хватит сделанного. Но потеря профиля не делала Лизу бесполезной, а приказ уйти не помогал выбрать безопасное место. Марина посмотрела на участок у стены: туда пока не дошёл белый отблеск.

— Останься возле терминала. Если отражение повернётся к тебе, отступи к стене. Сразу скажи мне.

— Хорошо. Камеру тоже проверю по людям.

Марина провела смычком по струне. Короткий звук остановил чужую фразу у самого начала. На воде появилась тёмная дуга, и первый шов у выхода сузился. Максим проверил камень за его краем и протянул верёвку через разрыв.

Следующая нота прозвучала сильнее. Щель продолжила закрываться, но женщина возле скамьи вдруг повернулась к Марине всем телом. Её сосед сделал то же самое. Даже чёрная вода в разрыве начала двигаться в такт смычку, выталкивая камень туда, куда Марина вела фразу.

Она сняла смычок со струны. Движение людей прекратилось, а дугу на реке обвёл белый край. Через мгновение из отражения женщины поднялась ледяная кисть и легла на настоящий парапет. Следом появилась голова с лицом, которое Марина только что видела рядом со скамьей.

— Назад от воды, — сказал Максим. — Верёвка у стены.

Ледяная фигура вышла до пояса и дотянулась до мужчины в спортивной куртке. Он заслонился предплечьем. Пальцы сомкнулись на ткани и потянули его вниз, к шву под ограждением.

Максим перехватил мужчину за пояс и развернул к стене. Куртка затрещала по шву. Освободившуюся ткань ледяная рука втянула в воду, а мужчина упал на колено. Максим не стал бить фигуру: он подхватил человека под мышку и передал спасателю. Там, где они только что стояли, из отражения поднялась вторая рука.

Марина сыграла два звука с неровным промежутком. Белая мелодия попыталась продолжить их, но запоздала. Рука возле парапета остановилась, и доброволец успел отвести женщину к верёвке. Марина выдержала паузу дольше, чем требовала фраза. Закончить её означало снова дать людям общий шаг.

— Лиза, что у нижней лестницы?

— Две фигуры. Стоят, пока ты молчишь. Когда играешь, поворачиваются к твоему следу.

— А вода в шве?

— Идёт за тобой. Даже чёрная.

Марина взглянула вниз. Течение под обломанной ступенью повторило изгиб тёмной дуги, затем остановилось вместе с ней. Она не звала его за людьми и не давала согласия вести группу, но сильный ритм уже оказался достаточным. Когда первый шов начал сужаться, она обрадовалась. Теперь камень возвращался на место, а людей поворачивали без спроса.

— Максим, выводи по одному. Я дам короткий промежуток.

— Успеешь его оставить?

— Остановлюсь раньше. Смотри на человека.

Он кивнул и вернулся к поперечной щели. Марина сыграла начало фразы, оборвала его перед ожидаемой нотой и отвела смычок. Максим дождался собственного шага пожилого мужчины. После него прошла женщина, переступая разрыв боком и держась за верёвку обеими руками.

Ледяная копия Марины появилась в воде напротив лестницы. Её смычок двигался без остановок. Из-под белой трости вышла та нота, которую настоящая Марина не сыграла, и правую руку Марины рвануло вниз. Скрипка дёрнулась у плеча. Трость хрустнула; продольная трещина раскрылась, и волос задел струну с резким скрежетом.

Марина опустила инструмент. Пальцы слушались, хотя боль дошла до локтя. Она ослабила натяжение; в трещине показался свет. Скрипка осталась целой. Марина прижала её к груди, пока копия продолжала играть за неё.

— Остановись, — сказал Максим. — Смычок не выдержит.

— Длинную фразу не выдержит. Короткую попробую.

— Что тебе нужно от нас?

Марина посмотрела на оставшихся у стены. Доброволец разговаривал с женщиной, но мужчина в спортивной куртке снова начал двигать плечами в общем темпе. Нижний шов расширился. Если перекричать мелодию скрипкой, течение подчинится ей вместе с людьми; если просто уйти, копия продолжит вести их к воде.

— Когда я остановлюсь, каждый должен решить, что тоже останавливается. Сам. Без общего счёта.

— Скажу им, — ответил Максим.

Мужчина в куртке спросил, почему нельзя один раз сыграть нормально и закрыть дыру. Максим показал на ледяную руку над парашютом. Мужчина замолчал и взялся за верёвку.

Марина подняла скрипку. Смычок пришлось перехватить ближе к середине, чтобы уменьшить нагрузку на трость. Первый короткий звук отозвался в шве под парашютом. Она сняла волос со струны и ждала, пока женщина сама разожмёт пальцы на руке добровольца и скажет, что дальше к воде не пойдёт.

Доброволец повторил её ответ, обращаясь к спасателю. Белая копия продолжала мелодию, но настоящая женщина стояла лицом к стене. Отражение потянулось вслед за ней и раскололось у плеча. Камень под парашютом сошёл, отрезав ледяную кисть. Та упала на дорожку и рассыпалась при ударе.

У нижней лестницы оставался спасатель. Он придерживал верёвку, пока доброволец обходил последний провал. Марина дала им два коротких звука и остановилась. Спасатель поднял голову, подтвердил, что остаётся на камне, и дождался ответа напарника. В разрыве дрогнуло отражение лестницы. Чужие ступени ушли вниз, а вода отхлынула от настоящих.

— Нижний закрылся, — сказала Лиза. — Вижу камень. Спасатель тоже проверил.

Марина повернулась к выходу. Из тех, кого выводили, перед последним швом оставался мужчина в куртке; Максим стоял рядом. Мужчина держался за верёвку, не решаясь поднять ногу. Марина сыграла один звук. Белая копия сразу отозвалась, и трещина на смычке разошлась ещё немного.

Она остановилась. Максим ничего не считал и не тянул человека за собой. Мужчина посмотрел вниз, выругался и сказал, что к воде не пойдёт. Его шаг пришёлся на паузу перед продолжением подделки. Он оказался на верхней стороне, Максим последовал за ним, и края камня сомкнулись за его пяткой.

Марина опустила скрипку только после ответа Лизы. Дочь сверила проход с изображением на телефоне. На дорожке остались осколки льда. Спасатель остановил новых прохожих наверху, а доброволец проверил, может ли мужчина согнуть ушибленное колено.

Максим подошёл к Марине и взял футляр со скамьи. Она передала ему скрипку. Он уложил её на подкладку, а Марина ослабила натяжение волоса до конца и уложила смычок

отдельно. Трость зацепилась за подкладку, и Марина освободила её пальцем. Длинной фразы дерево уже не выдержало бы.

— По связи останешься со мной? — спросила она Лизу.

— Останусь. Только сначала посмотри на воду.

Тёмные следы сыгранных обрывков соединялись поверх белого нотного стана. Марина узнала поворот своей рабочей темы для возвращения к Дому. Теперь течение достраивало знакомое продолжение, пользуясь каждым звуком, который получило у лестницы.

Лиза показала телефон. На другом участке набережной камера уже видела ту же дугу в воде; дальше её подхватывал отблеск в лужах. След выходил за пределы Утёса и поворачивал к городу. Марина закрыла футляр и попросила дочь связаться с Домом. На Амуре проступил следующий изгиб мелодии, обозначив дорогу к их дверям.

Глава 3. Цена проводника

Максим ещё сматывал верёвку у Утёса, когда спасателю передали вызов из старого порта. Рабочий оказался между складом и причалом. На камерах он стоял у двери, а мастер смены видел его у воды и не мог добраться до него: дорожка всякий раз приводила обратно к стене.

Марина застегнула футляр. Она берегла правую кисть. Лиза говорила с Домом, а след на воде уходил к городу; оставлять обеих здесь не хотелось.

— Езжай, — сказала Марина. — Нас проводят наверх. В порту не проходи первым, если за тобой останется человек.

— Свяжусь, когда выйдем.

До порта его довезли на служебной машине. От въезда Максим пошёл с мастером смены. Тот показывал дорогу фонарём, обходя светом воду. У складской стены горела лампа, хотя провод к ней висел оборванным; под этим светом мокрый бетон выглядел белым.

Рабочий стоял за разрывом дорожки, прижавшись плечом к двери. Когда мастер окликнул его, он поднял голову. Максим услышал ответ раньше, чем увидел движение губ. Звук и взгляд проходили через открытый шов разными путями.

— С места не уходи, — сказал Максим. — Я сначала закреплю линию.

— Я уже пробовал к вам. Опять здесь оказался.

На настоящем причале стоял швартовный кнехт. Максим проверил, не отходит ли его основание от бетона, обвёл его верёвкой и затянул узел. Мастеру он показал место у стены, откуда были видны и разрыв, и дверь. Попросил запомнить его лицо и не уходить, пока оба не вернутся.

— Если увидите другого меня, спросите, где мы встретились.

— У въезда.

— Он может знать ответ. Поэтому смотрите, откуда выходит. И не подтверждайте, если не уверены.

Максим достал Камень Звезды. Трещина разделяла тусклый отблеск внутри кристалла. Он повернул камень. Отблеск дрогнул и лёг вдоль берега, совпав с линией русла. У края шва появилась короткая засветка; дальше камень ничего не показал.

Этого хватало для входа, но не для всего пути. Максим убрал кристалл, пристегнул к поясу страховочную линию и переступил разрыв. Под ногой оказался бетон. Мастер остался у стены, и его лицо ещё было видно сквозь тусклую границу.

Рабочий стоял теперь в нескольких шагах. Его левый ботинок застрял между двумя плитами, а брюки были мокрыми до колена. Максим присел рядом, не заслоняя ему выход.

— За тобой пришёл. Меня зовут Максим. Сам идти сможешь?

— Если ногу вытащу. Там зажалось.

Максим надавил на край плиты. Она не сдвинулась, но из щели выступила вода. Он ослабил шнуровку и помог рабочему вынуть ступню, оставив ботинок в бетоне. Носок сразу намок. Мужчина попытался опереться на освобождённую ногу и схватился за дверь: больная нога подогнулась.

— До стены дойдём вместе, — сказал Максим. — Не прыгай. Если больно, останавливай меня.

За их спинами заскрежетал металл. В воде поднялось отражение портового крана, хотя настоящий механизм оставался неподвижным. Зеркальная стрела прошла над причалом. С её движением дверь склада отодвинулась, а плиты под ногами развернулись к реке. Максим прижал рабочего плечом к стене и дал стреле пройти.

Верёвка натянулась. Он оглянулся: линия уходила к знакомому кнехту, но мастер смены за ним исчез. Там стоял другой Максим, в такой же мокрой куртке. Белое лицо повернулось к ним, и отражение подняло руку, приглашая выйти.

— Нашёлся проход, — сказал рабочий.

— Пока стой. Человек у стены был другой.

Отражение отступило, открывая светлую дорожку. Над ней возникла надпись: «Выход проводника подтверждён». Дальше был настоящий порт, где мастер смены махал фонарём. Максим даже различил служебную машину у въезда. Но на светлой дорожке помещался один след, а фигура рабочего за его плечом перестала отражаться.

— Сначала выйдите вы, — сказал мужчина. — Потом меня вытянете верёвкой.

Максим уже подался вперёд. Он так хотел вернуться к Марине, что на мгновение перестал смотреть на рабочего. Затем линия у пояса ослабла сама. Она ложилась на белую дорожку, готовая проводить его одного.

— Не пойду первым. Тебя отсюда больше никто не увидит.

— А вы увидите.

— С той стороны мне уже показывают пустое место.

Он отвернулся от выхода и снова посмотрел на мужчину. Лицо стало отчётливее. Тот сглотнул, опёрся на здоровую ногу и кивнул, хотя фонарь мастера всё ещё светил совсем близко.

Зеркальная стрела качнулась обратно. Максим успел отвести рабочего от двери, но металлический край прошёл по его плечу. Куртку распорол, руку обожгло. Он пригнулся, удержав мужчину на ногах, и толкнул дверь ладонью. За ней оказалась та же вода, только с отражением склада вверх крышей.

— До угла, — сказал он. — Руку мне на шею. Вес переноси на правую.

Они сделали несколько шагов вдоль стены. Максим старался не касаться повреждённым плечом бетона. На каждом движении ткань липла к коже, а рабочий тяжело наваливался на него. Верёвка скользила следом; её крепление оставалось впереди, хотя они шли от него.

У угла стены возникла лестница с белыми перилами. Она вела на причал, где уже стоял мастер. Внизу лежала карта портовой территории. На ней два пути заканчивались у въезда, а третий уходил между слоями и был помечен словом «стабилизация».

Максим проверил карту Камнем Звезды. Кристалл отозвался только возле нижней ступени. Камень подтверждал, что по лестнице можно перейти границу, но не показывал цену перехода. На карте вспыхнула запись о его старом долге. Имя рабочего находилось в поле возврата, его собственное — возле линии, уходившей между слоями.

В обеих схемах выхода платательщик оставался прежним. Максим закрыл камень ладонью, однако запись проступила на белом бетоне. Если он останется в шве, порт вернётся на место. Над картой начало разворачиваться изображение города; расходящийся берег сошёлся, как только возле имени Максима появилась отметка постоянного пребывания.

— Можно ведь договориться? — спросил рабочий. — Я вас за рукав подержу. Пока выйду.

— Они предлагают мне остаться.

— Но лестница-то есть.

— Есть. И больную ногу поддерживали, чтобы ты на неё пошёл.

Мужчина посмотрел вниз. Мокрый носок больше не касался бетона: под ним поднялась белая ступень. Она поддерживала больную ногу, и лицо рабочего на мгновение расслабилось. Максим не потянул его назад. Ради такого облегчения человек мог согласиться, не дочитав условия.

Верхнее отражение протянуло руку. На лестнице появилась ещё одна запись: сначала проводник должен подтвердить маршрут своим выходом. За его спиной пройдёт спасаемый.

Но стоило Максиму взглянуть на верхнюю площадку, как рабочий за плечом становился прозрачным.

— Второй раз предлагаешь то же самое, — сказал Максим отражению. — Я первым не выйду.

Он повернулся к мужчине и попросил назвать место, где тот застрял. Рабочий ответил, что у двери склада, и указал на оставленный ботинок. На карте ботинок уже значился предметом без владельца, а человека возле двери не было. Максим отвёл мужчину от ступени.

Белые перила закрыли проход сбоку. Верёвка у пояса натянулась так резко, что Максим едва не упал. За стеной повернулся зеркальный кран, и дорожка начала складываться вдоль неё. Между плитами возникла узкая полоса воды, отделившая их от лестницы.

Максим отвёл рабочего за выступ стены. Тот сел на бетон, не выпуская его рукава. Страховочная линия всё ещё тянула к ложному выходу. Он нашёл пряжку, но мокрый ремень зажал, и расстегнуть его одной рукой не удалось.

В стекле складского окна проступило знакомое белое лицо. Тень стояла по другую сторону стены, но на её плече не было раны. Она посмотрела на натянутую верёвку, потом на карту под лестницей. Запись о постоянном проводнике отразилась в стекле; тень задержала на ней взгляд.

Максим убрал руку с пряжки. Он дождался, пока тень повернётся. Требовать помощи так, словно она принадлежала ему, он больше не мог.

— Поможешь нам выйти? На один проход.

Тень приблизилась к стеклу. Белая поверхность возле её плеча дрогнула, и Максим увидел, сколько усилий ей стоило остаться видимой. Она коснулась изображения верёвки, но не его руки. В отражении линия разделилась на настоящую, уходившую к кнехту, и белую, привязанную к лестнице.

— Обоих, — уточнил Максим. — Меня и его. Оставаться здесь за нас не надо.

Тень кивнула только после этих слов. Из стекла выступил белый край её ладони и пересёк натянутую ложную линию. Верёвка у пояса провисла; отрезанный конец ушёл в ступень и исчез. Настоящая страховка осталась на бетоне, но теперь вела к складскому углу, где прежде была стена.

Тень показала на нижний край окна. За ним открывался третий маршрут: низкая площадка над водой, с настоящим кнехтом на дальнем конце. Зеркальная стрела не закрывала его. Мастер смены стоял у основания и держал фонарь обеими руками.

Максим вновь проверил Камень Звезды. В треснувшем кристалле появилась короткая линия, совпавшая с краем площадки. Дальше она оборвалась. Тень указала на этот конец и опустила руку: её помощь заканчивалась там же.

— Дальше сами, — сказал Максим.

Она отступила к окну. Он повёл рабочего к площадке, подставив здоровое плечо. Тот почти не наступал на больную ногу. Вода проходила под бетоном, и Максим видел своё отражение рядом с отражением мужчины. Теперь оба оставались на месте.

Зеркальная стрела опускалась. У конца площадки уже сдвинулась плита; пройти до удара они не успевали. Максим усадил рабочего на край и попросил сползти к следующей опоре. Сам лёг на живот, чтобы не дать ему уйти под бетон, и подставил предплечье под ладонь мужчины.

На повреждённое плечо пришёлся вес. Максим стиснул зубы, но руку не убрал. Рабочий достал ногой до опоры и переместился дальше. Стрела ударила позади них, отрезав прежний участок площадки. Верёвка выдержала рывок, а узел у кнехта остался неподвижным.

— Вижу вас обоих, — закричал мастер. — Дверь за вами. Подходите.

До мастера было несколько шагов, но белая запись уже проступила на мокром бетоне. Надпись у ноги требовала закрепить проводника. Максим остановился, проверил лицо рабочего и спросил, видит ли тот мужчину с фонарём.

— Вижу. Наш мастер. Он меня встретил перед сменой.

— И меня узнали? — спросил Максим у мастера.

— Вас привезли от Утёса. Вы вошли за ним. Крепление здесь. Я с места не уходил.

На последнем шаге запястье обожгло. Максим едва не выпустил руку рабочего, но перехватил его за предплечье и вывел его к кнехту. Мастер подхватил мужчину. Под ногами перестала двигаться вода; бетон оставался бетоном, как бы ни поворачивался фонарь.

Максим отстегнул страховку. Белая тень ещё была видна в складском окне. Он поднял руку, показывая, что оба вышли. Она посмотрела на его запястье и отступила в стекло, не принимая жест за просьбу вернуться.

Мастер усадил рабочего у стены и вызвал помощь. Максим прижал к ране на плече сложенный платок. На портовом терминале загорелась запись о завершённом переходе. Имя рабочего вернулось в список смены, а возле Максима появилось назначение без даты окончания.

Он набрал Марину, но, прежде чем она ответила, оттянул мокрый рукав. Белая метка замкнулась вокруг запястья и перестала жечь. На коже проступило слово «проводник». Максим провёл по нему большим пальцем; буквы остались, без имени и срока.

Глава 4. Два удара без звука

Алина заметила движение колокола по светлому пятну на полу. Отражение окна качнулось, хотя обе половины колокола оставались на месте. Она положила ладонь на стол и почувствовала низкую вибрацию. После второго толчка возникло ожидание следующего, хотя она не касалась металла.

Обычного звука она не слышала. Виктор обернулся к стойке, и по его лицу Алина поняла только то, что он тоже заметил перемену. Она показала на блокнот. Виктор написал: «Два удара. Никто не касался».

Молоточек лежал на столе. Алина подвинула его дальше от края, чтобы не упал при следующем толчке. Между расколотыми половинами Колокола Двух Берегов ещё сохранялся воздушный зазор. Разомкнутая серебряная скоба выглядела целой, но её правый конец медленно поворачивался внутрь.

Виктория подошла к двери и остановила помощника, принёсшего подкладки для переноса. Алина жестом пригласила обоих к столу. Ей требовалось видеть их руки перед каждым действием.

Она закрепила на запястье Виктора световую метку из набора Немого протокола. Такую же получила Виктория. Помощнику она указала место у двери, затем написала: «Каждое действие отдельно. Подтверждение действует только до его завершения».

— Я подниму ладонь, если нужно остановиться, — сказала она. — Сначала посмотрите на меня. Потом действуйте.

Виктор показал открытые руки и написал, что согласен снять показания, не касаясь металла. Виктория подтвердила, что будет следить за зазором. Алина дождалась второго ответа и только тогда подошла к колоколу.

Чёрная половина дрожала на подвесе. Тяжёлый край уходил вперёд и возвращался, каждый раз чуть дальше. Белая почти не двигалась, зато скоба возле неё сжималась. Если оба движения продолжатся, края встретятся в середине. Нефритовый осколок в отдельном креплении не касался металла. Алина проверила зазор и отвела руку.

На стойке стоял датчик Виктора. Алина видела, как ползущая по экрану линия поднималась после каждого движения чёрной половины. Вторая линия реагировала на скобу с задержкой. Она указала на промежуток между ними. Виктор приблизил изображение и повернул экран так, чтобы они смотрели на него вместе.

Алина ощущала паузу, но не могла по ней узнать, что запускает колокол. Ладонь ещё помнила дрожь стола. Она отступила от стойки на шаг. Ожидание не исчезло. Тогда она попросила Виктора отметить на записи момент, когда убрала руку.

Он коснулся нужного участка графика. Между двумя всплесками появилась отметка, но следующий толчок пока не дошёл до датчика. Алина положила ладонь на стену: низкая вибрация там была слабее. Это не давало ответа. Она вернулась к столу, чтобы записать наблюдение, и увидела раскрытый журнал дежурства.

В последней строке стояло её имя. Рядом была обычная запись о том, что она находится в колокольной комнате. Теперь к ней прибавлялось назначение. Буквы проступали у края страницы, протягиваясь через бумагу к столу. Белая полоса спустилась по ножке и достигла стойки.

Алина не стала закрывать журнал ладонью. Она отодвинула стул и показала Виктории новую строку. Та прочла её, затем накрыла запись чистым листом. Полоса вышла из-под него и продолжила путь по полу, не оставив следа на бумажной подкладке.

Виктор написал: «Датчик ждёт третий импульс. Пока металл молчит». Алина посмотрела на его рот, затем на лист, проверяя, закончил ли он объяснение. Он дописал: «На входе уже есть команда».

Белая линия пересекла носок её обуви. В журнале проявились слова «владелец долга». Алина подняла голову. Виктория показала вопрос, готова ли она отойти. За её плечом чёрная половина резко качнулась к белой.

— Я отойду, если вы сохраните зазор, — сказала Алина. — Сначала проверьте крепление. Ничего не звоните.

Виктор ответил коротким кивком и повернул к ней запястье со световой меткой. Потом написал: «Проверяю фиксатор. Только его». Алина подтвердила. Он взялся за гайку на стойке, но серебряная скоба двинулась ему навстречу. Свет на запястье отразился в белом металле; отражённая рука продолжила движение, когда настоящая уже остановилась.

Виктор убрал пальцы. Алина подняла ладонь, и Виктория тоже замерла. Помощник у двери шагнул в комнату, увидел их руки и остался на месте. Чёрная половина продолжала раскачиваться. До соприкосновения оставалось меньше ширины пальца.

Алина взглянула на деревянную подкладку возле двери. Помощник поднял её, но пройти к стойке мешала полоса, прилипшая к полу. Под его подошвой возникла белая отметка. Он попробовал отступить и не смог снять ногу.

Тогда Алина повернула правую кисть ребром и ввела ладонь в воздушный зазор. Холодный край лёг на кожу, второй надавил с другой стороны. Она оставила пальцы согнутыми, чтобы их не захватило между половинами, и опёрлась левой рукой на стойку. Скоба продолжала сжиматься, но металл колокола уже не мог соединиться.

Боль пришла сразу. Алина не знала, произнесла ли что-нибудь, пока не увидела, как Виктор рванулся к ней. Она остановила его свободной ладонью и указала на подвес. Выдёргивать руку сейчас было нельзя: края встретятся раньше, чем подкладка окажется между ними.

Виктор написал на листе у самого её лица: «Снять всю сборку?» Алина прочла вопрос дважды. От боли взгляд цеплялся за отдельные буквы. Она кивнула, затем сказала, что скобу нужно снять вместе с половинами, сохранив их положение.

Виктория повернула к ней световую метку и показала на нижний край сборки. Алина согласилась. Виктор взялся за верхнее крепление. Между его пальцами и металлом была сложенная плотная ткань. Виктория показала помощнику карточку отказа. После его ответа полоса отпустила ботинок. Он подошёл с деревянной подкладкой.

Скоба сдавила основание большого пальца. Алина перенесла вес на левую руку и удержала правую на месте. Чёрная половина толкнулась вперёд; удар прошёл через кисть до плеча. Она посмотрела на Виктора, чтобы не потерять момент снятия, и увидела, что он остановился перед последним фиксатором.

Он показал лист: «После снятия стойка освободится. На стол?» Алина перевела взгляд на место, где лежал молоточек, и отрицательно качнула головой. Виктория убрала его в ящик, освободила тканевую подкладку и снова спросила жестом. Только теперь Алина дала подтверждение.

Верхнее крепление вышло из паза. Виктория приняла нижний край, а Алина двигалась вместе с ними, не вынимая ладони. При первом шаге от стойки ожидание третьего толчка оборвалось. Она ещё чувствовала давление металла, но ощущения приближающегося удара больше не было.

Сборку опустили на стол. Помощник подал деревянную подкладку Виктору, тот ввёл её рядом с запястьем и осторожно принял на неё давление скобы. Алина вытянула ладонь. Кожа у большого пальца побелела, затем быстро покраснела. Согнуть пальцы она смогла только наполовину.

Виктория протянула к ней руку и остановилась, дожидаясь ответа. Алина кивнула. Алина позволила ей снять ремешок с запястья, пока отёк не сделал его тугим, и уложить кисть на сложенную ткань. Между половинами колокола оставался просвет. Серебряная скоба была разомкнута, расколотые края не соприкоснулись.

Виктор вернулся к датчику. Снятый колокол больше не раскачивался, но белая строка в журнале продолжала дописываться. Алина указала на бумагу и попросила не принимать прекращение вибрации за отмену назначения. Виктория села рядом, взяла ручку и стала записывать время каждого действия.

Телефон на столе засветился. Пришло сообщение Лизы: они с Мариной вышли с набережной, музыкальный след указывал к Дому. Алина набрала левой рукой просьбу передать телефон матери. Дважды пришлось стереть неверную букву.

Марина ответила вопросом, можно ли помочь музыкой. Алина посмотрела на неподвижный колокол. Прежде она могла бы согласиться, чтобы не задерживать остальных, а потом разбираться с ценой. Сейчас её ладонь лежала на ткани, и каждое движение большого пальца отзывалось болью.

Она написала: «Ни один звон без моего отдельного решения. Моё присутствие не даёт права запускать колокол. Даже для спасения. Подтверди письменно».

Ответ пришёл не сразу. Алина видела на экране, что сообщение прочитано, но не принимала это за согласие. Виктория ждала рядом. Наконец Марина написала: «Подтверждаю. Каждый звон согласуем с тобой отдельно. Сейчас ничего не запускаем».

Алина показала ответ обоим. Виктория перенесла его в журнал рядом с ложным назначением, отметив, что сама Алина служение без срока не принимала. Белые буквы не исчезли, но перестали вытягиваться за край страницы. Полоса у стойки потускнела.

Виктор придвинул экран датчика. Он сопоставил запись с журналом и подписал два момента. Назначение Звонаря появилось раньше команды третьего импульса. Движение металла должно было последовать ещё позже. Алина провела левой рукой по краю графика, не касаясь экрана, и указала на место, где почувствовала оборвавшуюся паузу.

Он поставил там отметку. Вибрация ещё затухала, но ожидание продолжения прекратилось со снятием сборки. Алина могла подтвердить только эту разницу; смысл белой записи они прочли отдельно. По одной паузе она бы этого не узнала.

— Началось с назначения, — сказала она. — Проверим ещё раз, когда рука позволит. Сейчас колокол не возвращаем.

Виктор написал, что сохранит исходные показания. Виктория добавила в журнал запрет на перенос без нового подтверждения Алины. Помощник у двери прочёл запись и написал просьбу выйти за аптечкой. Алина согласилась; на этот раз белая полоса не последовала за ним.

Она попыталась взять обычный молоточек, когда Виктория открыла ящик для перевязочного материала. Рукоять легла между пальцами, но удержать её не удалось. Виктория поймала инструмент над столом и положила обратно. Алина попросила оставить ящик закрытым: новая попытка удержать молоточек только усилила бы боль.

Кисть припухла. После холодного компресса её зафиксировали, и Алина попросила организовать осмотр. Работу пришлось оставить на Виктора; она могла следить за показаниями, но переносить колокол или пользоваться молоточком пока не могла. В комнате люди снова заговорили, однако содержание разговоров оставалось для неё недоступным, пока Виктория не поворачивала к ней записи.

Алина попросила показать внутреннюю сторону скобы. Виктор наклонил сборку, сохраняя зазор, и поднёс лампу. На серебре возле разомкнутого конца проступала новая отметина. Она находилась там, где прежде была гладкая поверхность, и напоминала углубление для удара.

Алина придвинула лампу левой рукой. Отметина осталась на месте, когда свет переместился. Она попросила сфотографировать её вместе с воздушным зазором и записала время появления. Молоточек лежал в закрытом ящике; колокол оставался снятым со стойки, а незанятое место для удара темнело на внутренней стороне скобы.

Глава 5. Маршрут с правом отказаться

Виктория остановила каталку, прежде чем её переднее колесо пересекло белую стрелку. В зеркальном коридоре за поворотом стояла такая же каталка, но человек на ней уже сидел. Настоящий пациент лежал под одеялом и с трудом приоткрывал глаза. Медсестра потянула ручку назад; отражение продолжило путь без них.

— Этот выход закрываем, — сказала сестра. — Виктор, где ваша метка?

Он прикрутил к поручню деревянный указатель и направил его к служебной лестнице. Надпись на нём сделали от руки. Виктор проверил лестницу с сотрудником больницы: дверь внизу открывалась во двор. Стрелка на стене поворачивалась к зеркальному коридору, но дерево оставалось на месте.

Виктория подошла к мужчине с ходунками. Он смотрел на указатель и кивал, хотя ещё не сделал ни шага.

— Куда вы сейчас пойдёте?

— В палату. Там мои вещи.

— Эта метка ведёт к лестнице во двор. В палату она не ведёт.

Мужчина перестал кивать. Виктория попросила медсестру принести ему халат и объяснить, куда их примут после спуска. Виктор смотрел на часы. После колокольной комнаты прошло меньше часа; Алину оставили с медиком, журнал передали дежурному смотрителю.

— Я маршрут проверил, — сказал Виктор. — Здесь можно идти.

— Он думал, что возвращается за вещами.

— Сейчас всё крыло сдвинется, пока мы объясняем.

За стеной дрогнуло стекло. Дежурный врач уже открывал соседнюю палату, а санитар подтягивал к выходу вторую каталку. Обычная дверь оставалась на месте, но номер над ней отражался на противоположной стене. Виктория спросила мужчину, согласен ли он идти во двор, если халат принесут сейчас.

— Согласен, — ответил он. — Только по ступеням сам не спущусь.

Санитар подкатил кресло. Мужчина сел, и Виктория передала его сотруднику у лестницы, дождавшись, пока тот повторит, кого принимает. Первого человека подвели к лестнице по механической метке. Белая стрелка над поручнем сразу развернулась, теперь указывая в дверь, через которую они вошли в крыло.

На посту мигнул экран. Врач коснулся подтверждения маршрута, и дверь за его спиной закрылась. Он потянул ручку; та двигалась свободно, но полотно не открывалось. На экране появилось сообщение, что подтверждённый поток уже направлен через другой выход.

— Я только принял пациента, — сказал врач. — Переход не менял.

Виктор отвёл его руку от следующей кнопки и попросил показать журнал. В строке доступа стояло `emergency_admin`. Виктория знала эту роль: модуль Власова позволял продолжить аварийную процедуру, когда данных о человеке не хватало. Ответственным становился доступный специалист. Сейчас рядом с фамилией врача уже появилось подтверждение за всех, кто оставался в палатах.

— Так восемь человек вышли до вашего приезда, — сказала старшая медсестра. — Двери открывались. Мы успели.

На присланной сотрудником приёмного отделения фотографии были выведенные пациенты. Белый маршрут помог им пройти крыло раньше, чем зеркальный поворот возник у каталок. Отрицать этот результат было бы ложью.

— Остальных сколько? — спросила она.

— Девять. В том числе этот, — сестра указала на лежащего у поручня мужчину. — Его нужно перенести.

Экран показывал, что эвакуация завершена. Виктор открыл подробную запись. Восемь подтверждённых проходов стали восемью учтёнными пациентами; напротив остальных карточек стояли пустые поля. Система закрыла процедуру, не дождавшись ответа. В бумажном журнале девять человек оставались на этаже.

Врач достал список палат и сам поставил возле каждой фамилии отметку. Виктория попросила сохранить экран. Врач передал снимок старшей сестре. Ошибка была видна в двух записях, и свидетельством служило уже не только слово Дома.

У поста пожилая женщина в кресле отодвигала предложенную ей руку. Доброволец присел, чтобы помочь поставить ноги на подножку, но она крепче вцепилась в подлокотник.

— Не трогайте меня. Я туда не пойду.

Белая стрелка над её головой вытянулась до двери. На экране место женщины осталось пустым. Виктория попросила добровольца отступить и достала два чистых прямоугольника из набора карточек. Написала на них «иду» и «остаюсь».

— Покажите, что вам сейчас подходит, — сказала она, положив карточки перед женщиной. — Если останетесь, медсестра будет рядом. Мы выясним, какая помощь нужна.

Женщина выбрала «остаюсь». Виктория показала карточку старшей сестре и попросила отметить её в бумажном списке как находящуюся у поста. Медсестра села рядом с креслом. Доброволец пошёл за переносным фонарём: свет в этом конце коридора уже мерцал.

— Вы предложили ей остаться в опасном крыле, — сказал врач.

— Она уже отказалась идти. Теперь мы знаем, где она, и можем помочь отдельно.

— А если она больше ничего не выберет?

— Решение о срочной медицинской помощи остаётся вашим. Но её молчание нельзя записать как согласие на этот коридор.

Врач посмотрел на экран, который уже перестал показывать женщину, и велел сестре не оставлять её одну. Потом подошёл к каталке. Пациент пытался поднять голову, но не мог ответить на вопрос о маршруте. Врач не стал протягивать ему карточку: проверил состояние и позвал второго санитара. Виктория записала: человека переносят по медицинскому решению; его согласия на маршрут получить не удалось.

У соседней палаты дверь закрылась за добровольцем, вошедшим к пациентке. Женщина застыла перед белой стрелкой, пытаясь разобраться, куда её ведут. Виктория подняла карточку «остаюсь», показывая, что может подождать рядом, но стена между ними уже стала стеклянной.

Через прозрачную перегородку она видела лицо пациентки. На той стороне оказался доброволец с фонарём. Он положил ладонь на поверхность, отдернул её и показал покрасневшие пальцы. Иней расплзался от места касания. В коридоре возникла вторая перегородка, отрезав пост от служебной лестницы.

Виктор вытащил из сумки небольшой молоток. Ударил в край первой перегородки, затем проверил трещину. Она прошла по поверхности и остановилась. Изображение женщины раздвоилось, но сама женщина стояла на прежнем месте, придерживая больничную рубашку у горла.

— Отведите её от стекла, — сказала Виктория добровольцу. — К стене палаты. Видите нашу деревянную метку?

Он кивнул. Женщина ещё смотрела на изменившуюся стрелку, и доброволец повернул к ней фонарь, освещая своё лицо. Она перевела взгляд на него. После её ответа он проводил женщину к стене.

Санитар принёс ломик из хозяйственного шкафа. Виктория прикрыла стекло у места удара одеялом. Виктор приложил ломик к трещине; санитар ударил по нему молотком. Стекло раскололось, и нижняя часть перегородки осыпалась на пол.

Доброволец шагнул к пролому раньше, чем верхний край успели закрепить. Он заметил, что пациентка снова потянулась к стрелке, и закрыл ей путь рукой. Прозрачный обломок сорвался с потолка. Мужчина оттолкнул женщину к стене и упал на колено, прижимая предплечье к груди.

Виктория увидела кровь между его пальцами. Медсестра сразу протиснулась через пролом, прижала к ране сложенную салфетку и попросила его сесть. Санитар подставил табурет. Женщина смотрела на раненого и не двигалась, хотя белая стрелка продолжала звать её за поворот.

— На меня посмотрите, — сказала Виктория. — Хотите выйти к лестнице или пока остаться с медсестрой?

— Выйти. Я не понимала, где улица. У меня очки в палате.

Виктория приблизила карточку «иду» и дождалась, пока женщина сама коснётся её пальцем. Потом показала путь через пролом, придерживая одеяло над острым краем. Санитар принёс очки, и пациентка пошла рядом с ним, обходя осколки.

Доброволец остался под наблюдением сестры. Его рукав пришлось разрезать; кровь пропитала салфетку, и врач подошёл оценить рану. Виктория записала время травмы и имя добровольца. Когда его начали пересаживать в кресло, он попытался подняться и вернуться к группе. Сестра удержала его за здоровую руку.

— Теперь вас вывозим. Работу передадите другому.

Доброволец поднял здоровой рукой фонарь и отдал санитару. От этого простого движения у Виктории сжалось горло. Он рисковал собой, чтобы пациентка успела понять, куда её ведут. Теперь его самого везли через разбитую перегородку.

У второй преграды работали сотрудники больницы. Они закрыли пациентов в палате, куда стекло ещё не дошло, и вынесли шкаф к посту, прикрыв проход от падающих обломков. Виктор проверял края ломиком. Когда перегородка начала оседать, санитар перестал бить и попросил всех отойти. Последний фрагмент сняли на одеяло, не дав ему упасть на каталки.

Виктория вернулась к пожилой женщине у поста. Та по-прежнему держала карточку «остаюсь». Она боялась спуска после недавнего падения и не позволяла поднимать кресло с собой.

— Вас перенесут на носилках, — объяснила сестра. — Кресло останется здесь. Я пойду рядом.

Женщина посмотрела на неё, затем на свободный проход. Виктория отодвинула карточку «иду», оставив выбор женщине.

— На носилках можно, — сказала женщина. — Только не несите вниз головой.

Сестра объяснила, как её будут переносить, и позвала помощников. Женщина положила карточку «остаюсь» на стол и взяла другую. Виктория сохранила оба ответа: отказ от первого способа не помешал принять второй.

В коридоре погасла одна из ламп. На аппарате у каталки врач проверил оставшийся заряд и потребовал освободить лестницу. Теперь медлить было нельзя. Виктория отступила к стене, пропуская людей с носилками, и сверяла лица со списком, пока старшая сестра называла передаваемых пациентов сотруднику на нижней площадке.

Виктор снимал деревянные указатели только после того, как последний человек проходил поворот. У поста он остановился и взглянул на карточки.

— Я думал, достаточно проверить, куда ведёт метка, — сказал он. — А понял ли человек маршрут, проверяла уже ты.

— Он мог решить, что идёт в палату.

— Знаю. Я бы отправил его своим знаком, даже не заметив.

Она попросила его сверить список с записью приёма во дворе. Сама осталась у раненого добровольца. Его вывезли последним, после пациентов; руку поддерживала повязка, а фонарь нёс другой человек.

Во дворе уже стояла машина скорой помощи. Людей принимали сотрудники безопасного корпуса. Виктория сверила список: восемь выведенных автоматически были на месте, остальных девятерых тоже приняли. Никого не пришлось восстанавливать по пустому идентификатору. Добровольца готовили к обработке раны.

— Быстрый маршрут нас выручил, — сказала медсестра, подписывая лист. — Но тех, кто не успевал, он перестал считать. Это оставьте в отчёте.

Виктория записала её слова. Сестра проверила запись и исправила время первого прохода. За спиной спорили родственники: мужчина с телефоном снимал служебную лестницу, возле которой ещё лежали обломки, и говорил, что Дом задержал вывод целого крыла.

Виктория подошла к нему с врачом. Тот подтвердил, что все пациенты приняты, но мужчина спросил, почему эвакуация заняла дольше, чем обещала система. Объяснение, что перегородки перекрыли путь, не помогло. Он повернул камеру на карточки в руке Виктории и попросил повторить, что она разрешала людям оставаться.

— Мы отдельно помогали тем, кто не мог идти предложенным способом, — сказала она.

Мужчина отправлял запись. На её собственном экране открылся городской канал: под видео появилось требование передать управление единому штабу безопасности. Она сохранила публикацию рядом с больничным списком. В списке были все семнадцать пациентов. В подписи к видео стояло: «Дом задержал эвакуацию».

Глава 6. Нулевой код

Лиза закрыла ладонью нижнюю часть экрана, чтобы второй поезд не отвлекал её. На схеме оба состава занимали один участок, но камера показывала только хвост грузового. Сомов стоял возле окна диспетчерского узла и смотрел на настоящие пути. Он назвал номер последнего вагона; на стекле перед ним тот же номер возник дважды.

— Второй где? — спросила Лиза.

— В записи. На пути его нет. Наш уходит к следующей отметке.

Машиниста пришлось переспросить из-за помех, а на экране состав уже оказался ближе к мосту. Лиза открыла журнал событий. Один и тот же вагон был принят на двух рубежах с разницей меньше секунды. На бумажной схеме Сомов указал место, где состав действительно находился.

Корнёв передал изображение нанесённой мелом метки на ограждении. За ней проходил последний вагон. Лиза сопоставила снимок с показанием Сомова и убрала ложный состав из рабочей копии. Диспетчер отдал команду остановить движение на подходе, но подтверждение пришло под чужим номером. Встречный поезд ещё шёл к мосту.

Внизу, на автодорожном уровне, загорелась белая полоса. Водитель фургона затормозил перед ней, и система приняла остановку перед камерой за согласие на маршрут. Машина на экране двинулась к съезду; настоящий фургон оставался поперёк полосы. Следующая строка назначила водителю долг за задержку потока.

Лиза отодвинула стул от пульта. По стеклу окна ползли цифры, только что исчезнувшие из её рабочей копии. Сомов стёр их рукавом, но белый след проступил под тканью. Вторая надпись легла поверх первой, закрывая обзор на опору.

— Не трите, — сказала Лиза. — Они выходят из записи. Нужен другой обзор.

Диспетчер повернул боковую камеру. На её изображении мостовая служба шла по проходу, которого не было на плане. Лиза узнала Максима по тёмной повязке у плеча. После порта его осмотрели и перевязали, но куртку он так и не сменил. Корнёв двигался впереди, проверяя край прохода длинным металлическим стержнем.

— Максим, до какой метки дошли?

— До второй. За мной двое рабочих. Дальше шов.

— На камере вы уже прошли его.

— Значит, камера ушла без нас. Здесь стоим.

Система предлагала направить за Максимом ремонтную группу. Лиза сняла маршрут с экрана до подтверждения. Сомов связался с бригадой и попросил оставаться у настоящей опоры.

Лёд закрыл половину стекла. Цифры превращались в выпуклые рёбра; через них огни на путях растягивались и меняли положение. Диспетчер перешёл к боковой панели. Лиза подняла телефон, чтобы передать Корнёву схему, но на экране вместо его имени появился номер вагона.

Она положила аппарат стеклом вниз. За два часа после больницы эвакуации связь испортилась ещё сильнее. На присланных Викторией снимках система объявила крыло пустым, пока там оставались пациенты. Сейчас мост повторял ту же ошибку, только вместо человека исчезал участок пути.

На ноутбуке была открыта заготовка остановки триггеров. Лиза начала её после Утёса, когда выяснилось, что восемь сбоев приходят из одного узла. Основу дала запись ручного отключения участка; проверку знаков она взяла из Немого протокола. Заготовка ставила вызов на паузу, но для возврата движения требовала владельца.

Её аварийный профиль оставался закрыт. Попытка войти через него снова закончилась отказом. Лиза показала диспетчеру подготовленную схему и попросила доступ к местному узлу, где сходились записи подходов к мосту.

— Это остановит поезд? — спросил он.

— Движение останавливаете вы. Я попробую остановить подмену. На девять минут. Дольше запись не удержится без пересчёта.

— Проверено?

— На журнале набережной. Здесь нужен живой контроль. Если камера врёт, опираемся на людей и метки.

Диспетчер посмотрел на Сомова. Тот сравнивал бумажную схему с опорами. Лёд охватывал раму, но настоящий берег ещё был виден.

— Сверю участок, — сказал Сомов. — Только не считайте, что я подтверждаю всё, чего отсюда не вижу.

Лиза записала границу его свидетельства. Диспетчер сам открыл местное соединение под своим рабочим доступом и продолжал управлять пультом. Её неполный профиль не изменился; она получила возможность передать прототип в узел, а не управлять мостом вместо смены.

На схеме подхода два маршрута начали накладываться. Машинист подтвердил торможение, но система показывала свободный путь там, где Корнёв видел разошедшийся настил. Белый указатель повёл рабочих к этому месту. Максим остановил первого за локоть левой рукой. Правую он прижимал к боку, берега перевязанное плечо.

Корнёв натянул обычную сигнальную ленту между стойками. Один рабочий понял её как запрещение двигаться и замер у самого края. Максим подошёл к нему, указал на площадку за спиной и дождался кивка. Потом оба отошли по реальному проходу, пока их изображения на экране продолжали идти вперёд.

— Одна группа у опоры, — сообщил Корнёв. — Вторую переводим. Лиза, настил уходит под ногами.

Сверка меток на мосту с камерой показала, в какой записи номера превращались в обязательства. Вызовы сходились к той же корневой записи, которую они видели на Утёсе. В строке восстановления потребовали закрепить функции участников.

Лиза раскрыла пояснение. Без назначенного проводника система не обещала сохранить переход, когда пауза закончится. Без источника команды нельзя было определить, какой ритм считать действующим. Она попыталась оставить поля пустыми. Проверка остановилась; на стекле выросло ещё одно белое ребро.

— У водителя дверь не открывается, — сообщил диспетчер. — Полоса привязала машину к маршруту.

Сотрудник дорожной службы подошёл к фургону. Водитель опустил боковое стекло, но белые цифры закрыли проём. Следующая машина в очереди покатила вперёд, хотя её колёса на экране оставались неподвижны. Сотрудник махнул водителю следующей машины, и тот затормозил у заднего бампера фургона.

Лиза вернулась к заготовке. Допустимые потери она выставила в ноль. Поле функций оставила на исходных значениях, рассчитывая снять назначения до окончания паузы. Рядом с ними горела отметка «временные», а полную таблицу программа обещала показать после связывания с узлом.

Марина позвонила через запасную линию диспетчерской. Лиза включила громкую связь. Мать спросила, нужен ли живой ритм, и сразу добавила, что длинную фразу повреждённый смычок не выдержит.

— Играть не нужно. Пробую остановку всех правил.

— На чём она держится?

Лиза посмотрела на закрытую таблицу. Ещё несколько минут назад она собиралась проверить каждую строку вместе с Виктором. Теперь в кадре Корнёв подавал рабочему конец ленты, а под его ногой расходился тёмный край.

— На двух слоях проверки. После запуска пришлю остальное.

— Лиза, что назначается людям?

— Увижу и сниму. Сейчас теряем проход.

Она не отключила мать, но отложила трубку и попросила диспетчера подтвердить передачу. Он прочёл срок паузы, спросил Сомова о положении состава на путях и нажал разрешение только после ответа. Лиза отправила прототип. На рабочем экране появилось название, которое она дала заготовке: «Нулевой код».

Белые цифры замерли на стекле. Тёмный шов у настила перестал расширяться, а полоса перед фургоном утратила блеск. На ноутбуке начался отсчёт девяти минут. Диспетчер повторил команду машинисту и получил ответ под настоящим номером.

— Корнёв, переход не растёт. Проверьте опору сами, — сказала Лиза.

На изображении Максим протянул левую руку рабочему. Тот шагнул через остановившийся разрыв, и Корнёв принял его на площадке. Следующий прошёл, придерживаясь за ограждение. Последним переместился Максим; повязка на его плече потемнела, но он показал, что может идти дальше.

Сомов подтвердил положение грузового по настоящей метке. Диспетчер отменил ложное разрешение на встречный маршрут. На дорожном уровне сотрудник отвёл машины от фургона, а затем помог открыть его дверь снаружи. Водитель выбрался и сел у ограждения, продолжая держать ключ в кулаке.

До окончания паузы оставалось шесть минут. Лиза открыла полную таблицу. Максим был записан резервным проводником. Под этим назначением стояла его портовая метка, теперь принятая как действующее основание. Срок отсутствовал. Программа не создала функцию заново — она использовала уже закреплённую цену.

Алина значилась вечным Звонарём. В поле согласия стояло её присутствие в Доме. Лиза помнила пересланное матерью письменное подтверждение: каждый звонок только по отдельному решению Алины. Здесь это условие подменили готовностью Алины звонить в любой момент. Марину записали источником команды по следу её музыки, который теперь находили далеко за пределами набережной.

Лиза нажала на назначение Максима. Удаление потребовало пересчитать удерживаемый переход. В соседнем окне открылась схема: группа ещё не дошла до ограждённой площадки, за её спиной оставался остановленный шов. Она убрала руку с клавиши и проверила время.

— Получилось? — спросила Марина из трубки.

— Пауза работает. Людей переводят.

— Что в таблице?

Лиза свернула её в нижнюю часть экрана. В груди стало тесно, хотя в помещении было прохладно. Сейчас нужно довести группу, потом можно будет разобраться с наследованием ролей. Она знала, как назвать то, что делает, но всё равно открыла журнал перемещения, заслонив им назначения.

— Основания ещё проверяю. До конца остановки сниму лишнее.

Максим сообщил, что рабочие дошли до ограждённой площадки. Корнёв пересчитал их и передал число диспетчеру. Сомов проверил, что последний вагон миновал настоящую метку. Лиза внесла оба подтверждения в прототип; без них завершение паузы возвращало бы прежнюю ложную схему.

Она снова попыталась освободить Максима от функции. Программа предложила удалить весь блок восстановления вместе с физическими привязками. На это требовалась новая про-

верка подходов. За оставшееся время провести её было нельзя. Лиза сохранила таблицу и оставила блок действующим, собираясь исправить его после передачи смене.

Когда девять минут закончились, диспетчер сохранил ограничение движения. Цифры на стекле потускнели, шов на настиле остался закрыт. Прототип вышел из режима остановки, но связь с городским узлом продолжалась: в журнале горел статус восстановления. Лиза могла отключить соединение целиком и оставить смену без проверенных привязок. Она этого не сделала.

— Кто отвечает за оставленный модуль? — спросил диспетчер.

— Я. Запишите полное имя. Елизавета Морозова.

Он внёс запись в журнал смены. Лиза отправила команде подтверждение, что мост удержан и люди выведены, но таблицу функций не приложила. Затем отключила свой рабочий сеанс. На экране осталась одна светлая строка: «автор — Елизавета Морозова».

Глава 7. Дверь можно закрыть

Марина придержала край повязки, пока Максим расстёгивал рубашку. Ткань присохла возле плеча, и он остановился на последней пуговице. После короткого сна лицо у него стало спокойнее, но стоило поднять правую руку, как он снова сжал губы.

— Помочь с рукавом? — спросила она.

— Да. Только ворот не тяни.

Она освободила рукав и сверилась с листком, который оставил осматривавший его медик. Рану уже обработали, теперь нужно было сменить наружную повязку. Марина смочила прилипший край, подождала и осторожно отделила ткань. Максим сидел на кровати, упираясь здоровой рукой в матрас, и следил за её пальцами.

В комнате было светло, а Марина после короткого сна всё ещё ждала рассвета. Проснувшись, она сразу проверила телефон. Мост удержали. Лиза сообщила о завершении остановки, а подробной таблицы, которую обещала прислать, в сообщении не было.

Марина положила телефон экраном вниз. Спрашивать дочь в третий раз она пока не стала. Ей нужен был ответ Максима, которого не давал ни один его выход к воде.

— Продолжать можно?

— Можно. Больно, но терпимо.

— Если станет хуже, скажи. Не жди, пока я закончу.

Он чуть повернул голову и посмотрел на неё. Марина не могла понять, раздражает его вопрос или он просто устал. Она убрала руку на несколько секунд, оставляя ему возможность ответить иначе.

— Я скажу, — произнёс Максим.

Она закрепила чистую повязку. Собственная правая кисть ещё болела после удара по смычку, поэтому затянуть край пришлось левой рукой. Максим заметил это и придвинул к ней табурет. Марина села, складывая использованную ткань в пакет, чтобы не оставить её на постели.

Из коридора донеслись шаги. У двери остановились, затем пошли дальше. Дежурному они сообщили, где будут, и попросили писать об изменениях с колоколом. Алина оставалась под наблюдением, и возвращать сборку на стойку пока запретила.

Максим потянулся за рубашкой. Белая метка на запястье открылась целиком. Марина уже видела её после порта, но при дневном свете буквы выглядели иначе: они не лежали на коже, а проступали из-под неё. Слово «проводник» сохранялось, как бы он ни поворачивал руку.

— Она изменилась на мосту? — спросила Марина.

— Жгла перед выходом. Потом перестала.

— Ты говорил об этом Лизе?

— Когда дошли до площадки. Она сказала, что основания проверит.

Марина подняла телефон и открыла последнее сообщение дочери. Там было подтверждение, что люди выведены. О метке дочь ничего не написала. Она набрала вопрос, сохранила его в черновике и вернула телефон на стол. Разговор с дочерью мог подождать.

Максим держал запястье перед собой. Марина протянула ладонь, но остановилась, не касаясь белой линии.

— Можно посмотреть ближе?

Он положил руку в её ладонь. Кожа была тёплой, и от этого метка казалась ещё более чужой. Марина провела пальцем рядом с буквами. Они не отзывались на прикосновение. Максим показал внутренний край запястья, где белая полоса уходила под рукав.

— В порту мне предложили выход, — сказал он. — Но рабочего за моей спиной переставали видеть. Если вывести его первым, меня закрепляли между слоями.

— И ты нашёл третий путь.

— Помогла тень. На один проход. Метку это не убрало.

Марина посмотрела на повязку у плеча. За Максима она уже додумывала продолжение: в следующий раз он опять найдёт путь, а если нет, закроет собой разрыв. Прежде эти мысли позволяли работать, не спрашивая о его выборе. Теперь такое ожидание напоминало присвоение, с которым они спорили у воды.

— Я хочу знать, что ты сделаешь, если другого пути сразу не будет.

— Сначала посмотрю.

— Это не ответ.

Он убрал руку и поднялся за стаканом. Марина не остановила его. Она положила листок медика возле телефона. Ей хотелось встать у двери, чтобы он не смог уйти от вопроса. Она осталась сидеть.

— Если человек будет там, я его не брошу, — сказал Максим.

— Я не прошу бросать. Я спрашиваю, согласен ли ты перестать платить собой раньше, чем мы проверим другой способ.

— Проверка тоже занимает время.

— Знаю. Лиза сегодня его получила и ещё не объяснила цену. Но твою жизнь нельзя считать уже внесённой в расчёт.

Максим поставил стакан на подоконник. Вокруг доньшка выступило мокрое кольцо, и Марина невольно посмотрела на метку. Рука у него не дрогнула. Он заметил её взгляд и убрал запястье от окна.

— Ты сама просишь меня идти первым, когда нужен проводник.

— Прошу. И не всегда говорю, когда должна остановить маршрут.

— А если я откажусь?

Марина опустила взгляд на свои ладони. В Доме привыкли ждать её решения. Стоило напомнить о людях за швом, и отказ уже выглядел безразличием к ним. Даже здесь, в жилой комнате, её просьба имела вес приказа. Сказать, что это никак не влияет на Максима, она не могла.

— Тогда ищем другого участника или другой путь. Я не буду требовать твоего согласия как руководитель Дома.

— Даже если других нет?

— Тогда скажешь, какой риск готов принять. Мы обсудим его до выхода. Но обещание вернуться не даёт мне права назначить тебя платой.

Он сел рядом, оставив между ними место. Марина повернулась к нему всем телом. Если бы он сейчас попросил закончить разговор, ей пришлось бы принять и это. Вынуждать его произнести нужные слова ей не хотелось.

— Ты тоже не обязан свидетельствовать за меня, — сказала она. — Если я решила уйти в шов и назвала это спасением, ты можешь не подтверждать переход.

— Ты потом не скажешь, что я тебе не доверяю?

— Постараюсь не сказать. А если скажу, напomini этот разговор.

Максим посмотрел на дверь. Ключ лежал на столе, шаги за дверью стихли. Марина поняла, что ни разу не спросила, хочет ли он остаться с ней после перевязки. Отсутствие отказа она приняла за продолжение их прежней близости.

— Дверь можно закрыть, — сказала она. — И можно выйти. Я закончила с повязкой. За уход не придётся ничего объяснять.

— Я не хочу уходить.

— А остаться хочешь?

— Хочу. С тобой. Только не потому, что завтра опять выходим.

Он взял её за левую руку. Марина ощутила привычное тепло пальцев, но не подвинулась ближе, пока он не спросил, можно ли её поцеловать. Она ответила и сама коснулась его щеки. Он поцеловал её, осторожно повернувшись здоровым плечом.

Марина отстранилась, чтобы посмотреть ему в лицо. Он всё ещё был усталым, боль не исчезла, но рядом с ней он мог сказать об этом и остановиться.

— Я хочу жить, — сказал Максим.

Белый край на его запястье разошёлся. Между концами полосы возник промежуток, и буквы «проводник» на секунду потемнели. Марина выпустила его руку. Максим поднял её к свету, проверяя, не заслонила ли метку её ладонь. Просвет сохранился.

— Ты видела?

— После твоих слов. До них ничего не менялось.

Он подвигал пальцами. Рана на плече отозвалась, и Максим сразу опустил локоть. Метка оставалась на коже, но теперь в ней был просвет.

Марина записала фразу и время. Ей хотелось немедленно отправить наблюдение Лизе, однако Максим ещё смотрел на запястье. Она показала ему запись и спросила, можно ли передать её после их разговора. Он согласился, поправив, что просвет появился раньше, чем он поднял руку.

— Я не буду оставаться платой по умолчанию, — сказал он. — Если путь требует этого, остановлюсь и скажу. До перехода, когда смогу увидеть требование заранее.

— А когда не сможешь?

— Сообщу при первой возможности. Не обещаю найти выход из любого шва. Но скрывать цену, чтобы вы не мешали, не буду.

Марина кивнула. Ей хотелось услышать гарантию, что он всегда вернётся, и всё же она приняла ответ, который он мог дать честно. Обещание остановиться перед проверкой давало им возможность действовать вместе.

Максим посмотрел на её руку и попросил убрать блокнот. Марина отложила его, но не встала к двери сама. Он поднялся, закрыл её и повернул ключ. Потом вернулся к кровати и спросил, хочет ли она остаться рядом.

— Хочу, — ответила Марина. — Если плечо заболит, скажи сразу.

— И ты скажи. Ты тоже бережёшь кисть.

Она придвинулась и поцеловала его снова. Теперь не нужно было угадывать, означает ли его неподвижность согласие или попытку выдержать боль. Когда он попросил изменить положение руки, Марина остановилась. Они устроили подушку под локоть, и он сам притянул её ближе здоровой рукой.

Она провела ладонью по его волосам и задержалась у затылка. Максим коснулся её губ коротким поцелуем, затем ещё одним. Марина чувствовала его дыхание возле щеки; оно стало спокойнее, когда она перестала торопиться. За дверью прошли, но никто не постучал, и она впервые за утро не потянулась к телефону.

Они остались рядом, позволяя друг другу менять темп. В какой-то момент Максим попросил остановиться, и Марина убрала руку, не превращая это в вопрос о доверии. Он пояснил, что потянуло плечо. Она помогла ему устроиться удобнее и дождалась, пока он сам вернётся к ней.

Позже Марина сидела у края кровати, запахнув рубашку. Максим попросил воды, и она подала стакан, придерживая его левой рукой. Белая метка не изменилась за время близости. Просвет, возникший после его слов, оставался прежним, а повязку у плеча пришлось проверить заново.

— Больно? — спросила она.

— Сейчас меньше. Но дальше сегодня без тяжестей.

— Я передам Корнёву. Ты скажешь, что можешь делать.

Максим кивнул и взял стакан. Марина подвинула к нему блокнот. Перед выходом устной договорённости могло не хватить: связь пропадала, а чужой знак обещал безопасный путь.

Она написала, что цену перехода называют до его начала. Максим добавил: если условие меняется внутри, группа останавливается при первой возможности и проверяет маршрут заново. Ни один из них не свидетельствует за другого автоматически. Спасённый человек не получает права распоряжаться тем, кто его вывел, и сам спасатель такого права тоже не получает.

Марина прочла запись. Последнее предложение касалось её не меньше, чем Максима. Она вспомнила, как у Утёса велела Лизе подняться выше, прежде чем объяснила риск. Дочь потребовала объяснения. Теперь эту границу следовало перенести в работу Дома.

— Если я скажу «остановись», — спросила она, — это остановка до проверки, а не запрет тебе действовать?

— Да. И ты принимаешь то же условие от меня.

— Принимаю.

Он подписал запись левой рукой, потому что правой опираться на стол было больно. Марина отправила Лизе наблюдение о метке и попросила прислать полную таблицу после остановки на мосту. На этот раз она не стала смягчать вопрос словами о том, что дочь наверняка уже всё исправляет.

В дверь постучали. Марина дождалась ответа Максима, затем открыла. Дежурный показал на окно в конце коридора: вода во дворе отражала свет, хотя солнце находилось с другой стороны Дома. Максим надел рубашку, оставив повреждённое плечо свободнее, и вышел вместе с ней.

В луже у ворот лежал полный нотный стан. Марина узнала свою тему, но теперь за её обрывками шло продолжение, которое она не играла. Светлая линия пересекла порог и остановилась возле их двери. На воде проступил весь маршрут от набережной к Дому, с последним поворотом во двор и точным местом входа.

Глава 8. Безопасность большинства

Ирина Павловна Ратникова отодвинула чашку от карты, пока дежурный закреплял новый лист поверх прежнего. На длинном столе штаба уже не хватало места. Представитель МЧС стоял у окна и повторял в рацию адрес, который техническая группа только что объявила свободным.

— Там люди, — сказал он, закончив передачу. — Наши стоят возле подъезда. Система показывает, что дом пустой.

Ратникова положила перед собой бумажное сообщение бригады. На плане квартала жилой дом был закрашен белым. Она попросила убрать эту отметку до проверки и придвинула к столу стул для сотрудника МЧС. Власов задержался у аппаратуры, поэтому она вызвала его по имени.

Артём Сергеевич Власов подошёл с планшетом. Когда он наклонился над экраном, очки сползли к кончику носа. Ратникова указала на адрес. Власов открыл журнал и нашёл запись о выходе группы через соседний двор.

— Это другой подъезд, — сказал сотрудник МЧС. — Мы этот видим. Из второго ещё не вышли.

— Тогда разделим подтверждения, — ответил Власов и передал планшет своему помощнику.

Ратникова дождалась исправления карты и обратилась к медику. Врач положил на стол лист приёма и отметил ручкой место, где закончилась первая группа. Ниже шли пациенты, которых вывели позже сотрудники больницы с людьми Дома.

— Все семнадцать приняты, — сказал он. — Травмирован доброволец. Остальные добрались до безопасного корпуса.

— Почему в первой сводке их восемь?

— Остальные не прошли автоматическое подтверждение. Их там перестали считать. Копии приложены.

Ратникова раскрыла снимки. Белая строка сообщала о завершённой эвакуации, а на бумаге рядом оставались девять фамилий. Видео с карточкой Виктории показывало только часть этой работы.

— Исправленную сводку передали?

— Передали. Людей нашли не по сводке. Сёстры обходили палаты.

Она велела включить в общий отчёт обе версии, сохранив время их появления. Сотрудник мостовой службы попросил места на столе и развернул схему подходов. После девятиминутной остановки на мосту движение оставалось ограниченным; механические отметки совпадали с показаниями смены. Восстановительный модуль продолжал работать в городском узле.

— Кто его оставил? — спросила Ратникова.

— Морозова. Диспетчер записал ответственность на неё. Журнал у нас, самой схемы модуля нет.

Ратникова попросила передать Дому запрос через дежурного. Нужны были условия действия прототипа. Ответ о спасённом мосте не позволял назначить повторный запуск: Морозова не раскрыла условия расчёта.

У сотрудника МЧС снова заговорила рация. Во дворе жилого дома появилось белое ограждение, а тёмный разрыв пересёк выход на улицу. Люди могли попасть в соседний квартал только через арку, где знак менял направление. Две машины отправили к разным концам одного и того же прохода.

— Разведите движение, — сказала Ратникова. — Принимающая сторона сначала подтверждает место. Только потом отправляем группу.

— Связь падает. Пока ответ получим, они останутся у арки.

Она обозначила маршрут к школьному двору. Врач попросил оставить свободным въезд для скорой помощи. Представитель МЧС отметил, где поставить сотрудника, который будет принимать выходящих. Ратникова подписала схему после того, как оба подтвердили, что могут работать по ней.

Власов повернул к ней планшет. На экране появилась таблица первых минут эвакуации. По автоматическому маршруту люди выходили быстрее, чем по каждому отдельно проверяемому проходу. Записи двух принятых групп совпадали с бумажными листами медиков.

— Этих успели, — сказал Власов. — Здесь маршрут изменился позже. Если бы ждали ответа каждого участка, первая машина осталась бы внутри.

— А девять пациентов?

— Список не должен был закрыться. Эту ошибку снимаем отдельно. Сам проход работал.

Ратникова посмотрела на время приёма. Ручная проверка нашла пропущенных, но отняла минуты. Пока человеку объясняли знак, поток останавливался возле опасного поворота.

— Вы показываете только тех, кто подтвердился, — сказала она. — Мне нужны и оставшиеся.

С учётом оставшихся преимущество уменьшилось. Врач показал запись больницы, и помощник Власова внёс пропущенную группу. Ратникова не дала закрыть таблицу, пока число на экране не совпало с листом приёма.

— Для следующего квартала можем дать общий защищённый коридор, — сказал Власов. — Зафиксировать границы, остановить смену указателей. Службы поведут людей сами.

— На сколько?

— До конца первой волны. Дальше пересмотр. Но отдельный отказ внутри потока разорвёт подтверждение.

Сотрудник МЧС попросил расширить зону до следующего дома, откуда людей требовалось выводить с сопровождением. Врач указал, где поставить переносные носилки. Ратникова внесла поправку, и помощник открыл проект распоряжения.

Временные зоны обязательной защиты вводились на одну рабочую смену штаба. Первый пересмотр назначили сразу после завершения вывода квартала. Ратникова потребовала указать точное время окончания, чтобы слова «до восстановления связи» не стали бессрочным разрешением. Если связь вернётся раньше, проверку проведут раньше.

— Людям предложить этот маршрут, — сказала она. — С отказавшимися работает отдельная группа. Они остаются в учёте.

Власов посмотрел на неё поверх очков.

— Система ждёт общего подтверждения. Без него ограждение может не удержаться.

— Ответственность служб указывайте по участкам. За человека его присутствие не отвечает.

Помощник прочёл внесённую фразу вслух. Ратникова сверила её с экраном и поставила подпись на распечатке. Сотрудник МЧС расписался возле своего участка. Медик подтвердил принимающую точку. Документ отправили в техническую группу, а бумажный экземпляр остался на столе под её ладонью.

В городском канале уже обсуждали единый штаб. Ратникова попросила секретаря сообщить адреса принимающих площадок и срок проверки. На вопрос о Доме она пока не ответила. Музыка Марины закрыла швы, Лиза удержала мост. Обвинять их во всём она больше не могла, но принимать закрытые решения Дома без проверки не собиралась.

На карте школьный двор обвела белая линия. Во дворе остановился первый автобус. По переданному изображению Ратникова увидела, как сотрудник МЧС принимает людей у дверей.

Они могли пройти к медикам, а арка, которая минуту назад вела в зеркало, теперь показывала настоящий выход.

— Первая зона держится, — сообщил дежурный. — Вторую подключают.

Власов положил на стол рабочую копию распоряжения. Ратникова потянулась к листу, чтобы вписать число вышедших, и остановилась. В строке об участии вместо слова «предложить» стояло «считать принятым при присутствии». Её подпись внизу осталась прежней.

Она подняла свой бумажный экземпляр. Фраза изменилась и на нём. Чернила возле подписи побелели, но не исчезли. Ратникова провела пальцем по строке: бумага была гладкой. Подмена не оставила зачёркивания или следа печати.

— Власов, прочтите этот пункт.

Он прочёл и сразу открыл исходный файл. Помощник показал сохранённую версию с прежним словом. На рабочем экране уже стояла новая формулировка. Время изменения совпало с подключением первой зоны, а под ней сохранялись человеческие подписи.

— Мы этого не согласовывали, — сказал Власов.

Ратникова попросила секретаря сохранить снимки обеих версий и указать, кто находился за столом. Потом положила подписанный лист перед представителем МЧС. Тот прочёл строку и взялся за рацию, чтобы приостановить приём новых людей.

В тот же момент пришло сообщение из арки. По защищённому коридору переносили мужчину, который не мог идти. За ним двигался второй автобус. Если снять зону, выход снова станет неподтверждённым. Дежурный попросил решение до того, как носилки окажутся на середине прохода.

— Можно вернуть старую фразу без отключения? — спросила Ратникова.

Власов заменил строку. Белая граница на карте разошлась у арки. Он отменил правку, и разрыв сомкнулся. На экране появилось требование повторного общего подтверждения. Ратникова видела движение носилок в живой передаче: человек лежал под одеялом, а сопровождающий обходил с ним край белого камня.

— Первая волна заканчивает проход, — сказала она. — Новые зоны по этому тексту не открывать. Из действующей людей пока принимаем.

— Кто подтверждает сохранение? — спросил сотрудник МЧС.

Она отодвинула чужие листы, оставив перед собой свою подпись.

— Я. Отметьте, что формулировка подменена и решение продолжить после обнаружения принято мной.

Власов записал её слова в журнал. Медик попросил сохранить отдельную строку для тех, кто не желает оставаться на площадке. Ратникова согласилась и велела назначить сотрудника для личного обращения. Она рассчитывала обеспечить выход вручную.

Из школьного двора позвонил мужчина. Он уже прошёл к медикам, но хотел забрать дочь из соседнего дома. У ворот перед ним сомкнулась белая полоса. Сотрудник площадки объяснил, что выход временно закрыт, хотя по принятой схеме двор предназначался для приёма, а не удержания.

— Передайте его отказ в модуль, — сказала Ратникова.

Власов открыл карточку. Присутствие мужчины было записано как принятое обязательство. Рядом с запросом на выход возник долг за нарушение режима защиты. Исправить одну карточку без подтверждения всей зоны программа не позволяла.

Ратникова попросила дежурного выяснить адрес дочери и направить туда свободную группу. Затем взяла телефон у секретаря и сама объяснила мужчине, что его обращение зарегистрировано. Он спросил, кто разрешил считать, что он согласен оставаться.

— Я сохранила режим до завершения вывода квартала, — ответила она. — Вы отказались. Это будет записано отдельно.

— Запись дверь не открывает.

Она посмотрела на изображение двора. Мужчина стоял у ворот, прижав телефон к уху. Белая полоса не пропускала его, а за спиной медик помогал женщине сойти с носилок. Ратникова сообщила, что группу к дочери отправили, и попросила сотрудника площадки оставаться с отцом до ответа.

В журнале она написала собственноручно: первый зарегистрированный отказ, выход не обеспечен. Власов поставил рядом время. Он не пытался представить это успешным завершением защиты. На карте тем временем погасла отметка второго подъезда: последний человек вышел к автобусу, и руководитель группы подтвердил пустые квартиры после обхода.

Ратникова назначила проверку выхода из зоны на этот же час. Модуль требовал завершить волну, но очередной автобус не должен был снова стать поводом отложить обещанный пересмотр. Она оставила подписанный документ перед собой, чтобы подменённую строку видели все, кто будет принимать смену.

Секретарь принёс приказ для передачи городским службам. Внизу появился новый пункт: временное ограничение деятельности Дома смотрителей до согласования его методов с координационным штабом. Ратникова прочла его, затем вписала требование предъявлять конкретные основания для каждого ограничения. Пункт остался в приказе. Рядом с ним лежал её первый лист, где присутствие людей уже считалось согласием.

Глава 9. Имя автора

Лиза прижала ладонью журнал, чтобы страницы не переворачивались, и увидела своё имя на листе, который ещё минуту назад был пустым. За окном стоял человек в белом плаще. Он держал городское предписание лицом к стеклу, хотя дверь Дома была в нескольких шагах от него.

Такая же бумага появилась рядом с часами. Виктор снял лист, но номер остался на стене. Артефакты запрещалось применять до согласования со штабом; способ остановить уже начавшееся действие не указывался.

— Они у обоих входов, — сказал Максим из коридора. — Задняя дверь пока открывается.

Максим придерживал дверь левой рукой, оберегая перевязанное плечо. За ним ползла белая полоса, повторяя линию порога.

— Людей из двора надо вывести сейчас.

— Виктория уже там. Куда переносить журналы?

— Пока никуда. Я не понимаю, что их тянет.

С первых сбоев прошло почти двенадцать часов. Лиза расширила проверку, на которой Нулевой код удержал мост девять минут, сверив ближайшие узлы с отметками Виктора. Таблицы назначенных ролей оставались прежней. Мать её не получила.

Марина вошла со скрипкой под мышкой. Смычок она держала за целую часть трости, не касаясь продольной трещины. Лиза закрыла таблицу раньше, чем мать подошла к столу, и сразу пожалела об этом движении: Марина заметила.

— После, — сказала она. — Сейчас мне нужен коридор без людей. Я буду сбивать повтор, а не вести их.

Внизу ударила дверь. Лиза побежала к лестнице и остановилась: вместо площадки второго этажа перед ней был нижний тамбур.

Максим натянул через проход обычную верёвку. Узел был закреплён на трубе у стены, второй конец он передал дежурному смотрителю. Тот проверил крепление и остался на месте.

— По этой линии возвращаемся, — сказал Максим. — За мной не повторять, пока не проверю ступень.

Максим опустил брусок на ступень. Тот погрузился в неё до середины, и Лиза мелом перечеркнула край, чтобы следующий человек не принял его за опору.

Из колокольной комнаты вышла Алина. Правая кисть была зафиксирована, и планшет она прижимала к боку локтем. Лиза написала крупно: «Колокол не переносить по лестнице. Она меняется». Алина прочла и подняла левую руку, требуя внимания.

На планшете появилось: «Мне нужен помощник у двери. Скоба остаётся открытой. Каждое перемещение — после моей карточки». Второй дежурный пошёл помогать Алине. Колокол оставался на подложке, куда его положили после снятия со стойки.

Виктор открыл щиток у лестницы. Лиза придерживала фонарь, пока он отсоединял управление дверными замками от общей линии. Свет в коридоре остался, а маленький экран над ручкой погас.

— Теперь эта дверь должна открываться рукой, — сказал он.

Дверь поддалась, но белая полоса пересекла щель и притянула створку обратно. Виктор поставил распорку. Полоса натянулась, но не смогла сдвинуть дверь.

Лиза вернулась к столу и проверила источник полосы. Вместо чужого подключения программа указала на журнал с потёртым корешком.

Восемь каналов взыскания открывались из записей, которые Дом годами сохранял как свидетельства. Лиза сняла руку с журнала. Страница перевернулась сама, остановившись на старой отметке о переходе.

— Виктор, посмотри. Они используют наши подтверждения.

Виктор подошёл. Из сгиба журнала вышел край бумаги и потянулся к коридору. На экране появился запрос: удержать свидетеля до погашения перехода.

Лиза закрыла книгу. Бумага упёрлась в обложку, но запрос не исчез: рядом с ним загорелись ещё семь подключений. Музыкальная запись Марины давала общий такт. На листе со сверкой двух слоёв цифры переставали совпадать, едва Лиза переносила взгляд на окно. Всё сходилось к одному требованию — определить человека, отвечающего за результат.

Снаружи постучали в стекло. Инспектор приложил к нему ладонь, и номер предписания растянулся вдоль оконной рамы. За его плечом стояло реестровое отражение Марины со скрипкой. Оно подняло смычок одновременно с настоящей Мариной в коридоре.

Лиза отвернулась от стекла, прежде чем успела рассмотреть лицо. Мать сыграла два коротких отрывка с разными паузами. За окном отражение закончило первый и начало его снова, а люди во дворе перестали шагать в общем темпе.

— Не слушайте до конца! — крикнула Марина. — Продолжайте говорить друг с другом.

Пол под столом отделился от стены, и Лиза ухватилась за край. Виктор подхватил компьютер, пока она перебиралась к дверям. Из щели поднялась чёрная вода и легла поперёк пути к архиву.

Бумажная полоса добралась до архивной двери и обмотала ручку. Максим поддел её брусом и высвободил защёлку. Виктор принял у дежурного конец верёвки. Максим придержал створку левой рукой, пока дежурный вытаскивал из комнаты ящик с журналами. От усилия Максим резко втянул воздух.

Лиза помогла опустить груз. В светящейся метке на запястье Максима оставался разрыв. Под этим знаком программа держала назначение резервного проводника, которое Лиза не смогла снять.

— Максим, уйди от шва. Я попробую задержать запрос.

— Сначала дежурный выйдет. Он внутри.

Смотритель вынес последний журнал. Максим отпустил створку; бумага тут же связала ручку с дверной коробкой. Лиза поставила запрос на задержку, проверенную ещё на мосту.

Полоса ослабла на несколько секунд. Виктор успел распахнуть дверь шире и переставить распорку. За его спиной лестница вернулась на место, но следующая площадка уже наклонилась к наружной стене.

Лиза разложила журналы на полу. Вынимать листы было нельзя: запрос считал это попыткой скрыть долг. Она подключила компьютер к ручному контуру. Виктор положил рядом схему помещений.

— Девять минут здесь не хватит, — сказал он.

— Здесь можно удержать восемь источников, из которых идёт каскад. Подтвердим положение носителей. Я проверяла расчёт до вашего прихода.

Виктор сверял каналы с журналами и бумажной схемой. Когда лестница снова сменила площадку, он потребовал повторной проверки. Срок удержания вырос лишь после того, как Максим с дежурным подтвердили настоящий проход.

Со двора вошла Виктория и остановилась у стола. Она положила рядом с компьютером макрону карточку.

— На соседней улице двери открываются в наш тамбур. Я вывела двоих, но дальше люди стоят. Они боятся войти под защиту: слышали про школьный двор.

— У них будет отказ, — сказала Лиза.

Лиза привязала отказ к отдельному ответу. Для молчащих оставила пустое поле, требующее живой проверки.

— Отказавшимся поможем выйти. За границей участка остановка правил перестанет их защищать.

— Значит, это тоже нужно сказать.

Лиза набрала короткое сообщение. Виктория унесла рукописную копию во двор. Текст ушёл на терминалы соседних домов, пока держалась связь. Подтверждения требовали живого свидетеля: подставить ответ за отсутствующего система не могла.

Марина подошла к столу, сняв со скрипки бумажную нить. Лиза придавила её журналом и развернула окно запуска. В нём на мгновение появилась строка с именем матери и назначением источника команды. Ниже осталось бессрочное назначение Алины. Лиза попыталась прокрутить окно, но Марина положила ладонь рядом с клавиатурой.

— Когда это возникло?

— На мосту. После запуска.

— Ты видела?

— Да.

Лиза слышала, как дежурный отсчитывал шаги до площадки. Хотелось сослаться на нехватку времени, но после моста прошло несколько часов.

— Я думала, что сниму назначения до следующего включения, — сказала она.

— А включать собираешься сейчас.

— Иначе источники продолжают работать. Я могу задержать взыскание, но не убрать весь старый расчёт.

Марина убрала ладонь. Из коридора Максим позвал её: отражение повторяло паузу уже с другой стороны дома.

— После остановки покажешь всё, — сказала мать. — Без отбора.

Лиза оставила таблицу открытой. Заморозка должна была задержать использование резервного проводника, но обещать Максиму безопасность она не могла.

Виктория вернулась с двумя отказами. Дежурный довёл одного мужчину к машине за пределами участка. Лиза проверила запись: долг не возник, отказ сохранился.

— Для этих двоих сработало, — сказала Виктория. — Ещё женщина не отвечает. С ней осталась соседка, ждёт медика. Её не включать.

Лиза пометила запись как неразрешённую. Чёрная щель уже пересекла пол между ней и ящиком, отрезая путь к последнему источнику.

Из колокольной комнаты показалась левая рука Алины с карточкой. На ней было написано: «Крепление тянет к стойке». Помощник держал дверь, чтобы не дать бумаге связать её с косяком. Лиза отправила в комнату сообщение об отсрочке запроса, дождалась светового ответа и внесла фактическое положение колокола. Разомкнутую скобу никто не трогал.

Восемь подключений сошлись в нижнем окне. Время удержания составило девять часов. Под ним появилась девятая строка с требованием указать единственного владельца решения.

Лиза ввела имена живых свидетелей. Строка отклонила их: свидетельство было принято, право решать — нет. Виктория прочла ответ через её плечо.

— Она требует одного человека за всех?

— За запуск. А дальше привязывает к нему весь результат.

Лиза убрала поле владельца. Девятая ошибка вернулась, и задержка каналов сократилась до нескольких секунд. Она восстановила поле; срок снова стал девятичасовым. Виктор поставил рядом бумажную запись обеих проверок.

— Значит, ошибка здесь, — сказал он. — В требовании хозяина. Мы не убрали её, а только остановили последствия.

Открылось условие публикации имени автора вместе с двумя расчётными моделями Хабаровска. Лиза попыталась оставить номер решения, но программа подставила полное имя из её неполной записи.

Утраченный доступ оставался закрытым. Для взыскания неполной записи хватало; для отмены назначения требовался действующий допуск.

— Он может объявить меня автором, хотя не даёт отменить назначение, — сказала Лиза.

На лестнице треснула доска. Максим прижал её к перилам, удерживая проход для помощника Алины. Марина прервала отрывок, и чёрная вода поднялась до первой ступени. Ждать ещё одной проверки было негде.

Лиза прочла условие вслух, чтобы Виктор и Виктория услышали цену запуска. Затем отметила личную ответственность и нажала подтверждение.

Бумага перестала ползти. Чёрная вода застыла у ступени, сохранив неровный край, а площадка вернулась к перилам. Максим не отпустил доску, пока дежурный не проверил опору ногой. Только после его кивка он прислонился к стене и попросил принести перевязочный пакет.

Во дворе Виктория проверяла людей по своему листу. Из окна колокольной комнаты Алина показала карточку, подтверждая остановку.

На городском экране через улицу высветилось: «Автор решения: Елизавета Морозова». Под именем шёл отсчёт девяти часов. Отдельный срок принудительного выбора города продолжал уменьшаться: Нулевой код его не остановил.

Инспектор снял ладонь со стекла и подошёл к воротам. Бумага в его руках уже содержала новое приложение к предписанию: Дом ограничивался в самостоятельных действиях, а запуск Лизы подлежал разбору городским штабом. Виктор принял копию, не открывая ворота для входа. Белая линия закрепилась снаружи вдоль ограды.

Лиза вышла к нему, но Виктор показал на лужу у нижней ступени. В ней отражался Хабаровск с белыми улицами, на которых каждый поворот был закреплён за именем. Рядом возник второй город; его мост сдвинулся, соединяя берега в новом месте, и квартал за ним начал менять очертания.

На телефоне появилась съёмка с набережной. Те же два изображения занимали воду под Утёсом. Лиза увеличила кадр до края берега. Между белым неподвижным городом и чёрным городом, который продолжал перестраиваться, третьего изображения не было.

Часть II. Возвращение долгов

Глава 10. Закрытые события возвращаются

Лиза положила архивный лист на стол и обвела карандашом дату. Когда она вернулась к началу строки, дата стала другой. На снимке в телефоне сохранилось прежнее число, а под ним — подпись свидетеля, которая теперь исчезла с бумаги.

После перевязки Максим ушёл отдыхать. Над столом висел отсчёт временной остановки: восемь часов. Белые полосы на дверях не двигались, но записи менялись.

Она искала долг, запустивший остальные. Общая таблица должна была помочь, но Лиза закрыла файл, не сохранив последнюю строку.

Виктор принёс лампу с отдельным питанием. Рядом с компьютером он положил чистый лист.

— Будем записывать изменения здесь?

— Только то, что проверили. Без общего расчёта.

Она перенесла оригиналы на деревянную полку. Компьютер показывал цифровые копии, а чистый лист предназначался для живых подтверждений. Источники должны были оставаться независимыми.

Виктор положил на полку журнал, который считался завершённым. На корешке остался след белой бумаги. Лиза открыла его на странице перехода, но подпись внизу расплзлась в пустое поле, предлагая вписать нового свидетеля.

— Здесь был Сомов, — сказала она.

— У нас сохранилось его подтверждение.

— А реестр уже просит заменить.

Лиза вошла в городской сервис сверки объектов и связанных свидетельств. Этот доступ ещё держался на её неполной записи; отменять аварийные назначения через него она не могла. Запрос по старому номеру вернул сообщение: «Закрытое событие. Повторное подтверждение не допускается».

Статус обновился после остановки каскада. Программа считала запуск завершением всего, что попало в расчёт, хотя Лиза удержала только исполнение.

Виктория провела в архив Сомова. Пока он снимал куртку, Лиза заметила на рукаве меловую отметку мостовой службы.

— Пропуск перестал проходить, — сказал он. — В сменном журнале меня оставили, а в системе смену закрыли. Начальник вызвал замену.

— Вы успели уйти с участка?

— Передал всё мастеру. Он проверил ногами, не по камерам. Потом пришло вот это.

Сомов положил на стол телефон. Уведомление предлагало подтвердить, что событие с его участием окончено. Ниже была кнопка согласия, а отказ требовал обращения через городской сервис.

Лиза показала ему тот же статус на экране. Сомов прочёл и достал бумажный пропуск.

— Это ещё принимают. Пока человек у ворот смотрит на меня, а не на список.

Он сел, и лампа мигнула. В стеклянной дверце шкафа проступил белый прямоугольник, совпавший с пропуском на столе. Лиза накрыла пропуск ладонью; отражение осталось.

На открытой странице журнала вернулась прежняя подпись Сомова. Он узнал её и показал пальцем, но поверх уже проступала вторая. Новая строка утверждала, что свидетель передал право завершить событие без своего присутствия.

— Я этого не писал, — сказал он.

Виктория записала его слова и время. Лиза сделала снимок, не касаясь новой строки. Под пальцем Сомова край бумаги побелел, и он сразу отдернул руку.

Из стекла выдвинулся ледяной лист. Он прошёл через зазор между дверцами, лёг на полку и прилип к журналу. На нём читался тот же номер, что в городском ответе. Следом пошёл второй лист, с местом для подписи Лизы.

Она попыталась поднять журнал. Лёд потянулся за обложкой, прихватив соседнюю страницу. Виктор придержал книгу за корешок.

— Не отрывай. Порвём оригинал.

Белый край полз к соседним журналам. Лиза захлопнула дверцу шкафа, но ледяной лист упёрся в раму и согнулся. По стеклу проступили новые прямоугольники. Они выходили из отражений документов, лежавших в комнате, и тянулись к своим бумажным оригиналам.

Сомов поднялся. На пропуске проступила печать с перечёркнутым номером, которой минуту назад не было.

— Если я выйду, прекратится?

— Не знаю. Давайте проверим только порог. Дальше не надо.

Виктория вышла с ним в коридор. Ледяные листы замедлились. На экране возникло требование убрать повторное присутствие Сомова.

Лиза отодвинула компьютер от бумаг. Остановка каскада не позволяла полосам вязать двери, однако сверка продолжалась: система готовила документы для следующего взыскания. Ей было достаточно человека рядом со старой записью.

— Возвращаться не нужно, — сказала Лиза.

Виктория поставила Сомову стул в коридоре и попросила описать увиденное на мосту. Лиза отметила, откуда получен ответ. Согласия на старый переход она не запрашивала.

Виктор вставил деревянную линейку между ледяным листом и обложкой. Лиза придержала книгу, пока он понемногу освобождал край. Следующий дубликат лёг на подложенную доску, но всё ещё тянулся к журналу.

— Нужна перегородка, — сказал Виктор. — Без отражения.

Лиза принесла крышку архивного ящика. Виктор закрыл ею стекло, а она перевернула лежавшие на столе телефоны экранами вниз. Поток листов прекратился. Уже вышедший лёд оставался на доске, удерживая номер события.

В дверях появилась Марина. Лиза полчаса назад отправила ей полную таблицу ролей, но мать ещё не ответила. Теперь она посмотрела на лёд и убрала руку со скрипичного футляра.

— Что вы подтверждали?

— Ничего нового. Сомов пришёл с уведомлением, и старое свидетельство стало дублироваться.

Марина заглянула в коридор, где Виктория сидела рядом с мастером. Затем вернулась к столу и подала Лизе чистую ткань.

— Оригиналы накрой. Я останусь у двери.

Лиза накрыла журнал. Под тканью выступило мокрое пятно. Они переложили книгу на другую подложку и развели обложки деревянными прокладками. Край страницы пошёл волной, но подпись сохранилась.

Она проверила сервис. Там предлагалось завершить сверку, признав повторное появление Сомова ошибкой учёта. После этого можно было открыть общий расчёт восьми связанных обязательств.

Лиза убрала руку с мыши. Она повернула экран к коридору: под требованием уже стояло её имя.

— Андрей Михайлович, здесь требуют закрыть ваше присутствие. Тогда дадут следующую часть карты.

— Закрыть в журнале?

— Во всех связанных записях. Подтверждения сегодняшней смены тоже перестанут принимать.

Сомов дочитал сообщение с порога. К стеклу он не подходил.

— На мосту я сегодня был, — сказал он. — Мастер это видел. Вы тоже. Я не откажусь от этого ради правильной строки.

— Я не собираюсь её подтверждать.

— А ваша остановка меня уже закрыла?

Лиза посмотрела на поле автора. Можно было ответить, что статус появился в городском реестре, а не в её программе. Но реестр принял результат Нулевого кода вместе со старой логикой завершения.

— Она не вернула вам права и не защитила свидетельство от такого расчёта. Я оставила категории, которыми система пользовалась раньше. Думала убрать после запуска.

— Убрали?

— Нет. Там люди назначены на роли без отдельного согласия. На мосту я не показала команде всю таблицу.

Лиза не повернулась к матери. Она открыла бумажную запись запуска и показала Сомову, где кончалась её проверка.

— Ваше присутствие я могу подтвердить только с вами. И вы можете отозвать это подтверждение.

— Если отзову, вы не замените меня прежней подписью?

— Для новой проверки — нет. Старую запись сохраняю как факт того, что уже произошло.

Сомов попросил лист. Виктория записала условие отзыва и прочла ему вслух. Он поправил срок: свидетельство действовало до конца этой сверки, продолжение требовало нового обращения. Лиза внесла ту же границу в местную запись, отдельно от городского статуса.

Они проверили номер старого перехода по оригиналу и сохранённому ответу мостовой службы. Сомов подтвердил только то, что видел сам. Там, где его показания кончались, Виктория оставляла место незаполненным.

Лиза связала независимые подтверждения в живую контрольную сумму. На экране проявилось расхождение, которое старая запись прятала под отметкой завершения: человек вернулся, а требование платы продолжало действовать. За этим номером открылся следующий канал.

Лёд сдвинулся к краю доски. Виктор удержал его крышкой. В истории канала стояла прежняя дата разрыва: связка подтверждений раскрыла старое расхождение. Лиза вывела эту дату рядом со временем проверки.

Теперь она собирала карту иначе. Восемь источников заняли отдельные строки, связанные переходами между ними. Поле владельца она оставила пустым. Сумму тоже не переносила: реестр складывал разные обязательства в одну цену, хотя свидетели такого сложения не подтверждали.

Номера ледяных документов совпали с линиями на карте. Лиза вписала в пробное поле слово «свидетель», и ближний лист потянулся к Сомову за дверью.

Она стёрла слово, и движение прекратилось. Виктория отметила оба действия на бумаге, а Сомов попросил показать ему результат.

— Вы ещё имени не написали, — сказал он.

— Ему хватило роли. Дальше он выбрал бы подходящую запись.

Лиза проверила связь двух каналов. Перед расчётом стояло разрешение автоматически назначить владельца. Оно повторилось на следующем соединении. Она перенесла его в центр карты, не вписывая человека.

Виктор подвинул к ней карандаш. Лиза обвела общий узел и показала Сомову, куда приходили восемь линий. Он наклонился с порога, но в комнату не вошёл.

— Значит, первым нужно убирать право назначать, — сказал он.

— Мы нашли, где оно применяется. Как убрать, пока не знаю.

Городской сервис запросил завершение сверки ещё раз. Теперь рядом с кнопкой согласия был срок ответа. Лиза выбрала возражение и приложила запись присутствия Сомова с его условиями.

После отправки экран погас на несколько секунд. Затем пришло сообщение о прекращении её доступа: заявитель отказывался устранить противоречие собственной записи с завершённым событием. Ссылка на новую заявку возвращала её к тому же закрытому окну.

Виктор проверил связь. Сервис работал; исчез только Лизин допуск. Она сохранила уведомление. Теперь для официального запроса требовался другой человек, готовый принять ответственность.

Сомов посмотрел на свой телефон. Уведомление о закрытии оставалось, а пропуск не восстановился. Он убрал его в карман и попросил копию условий свидетельства.

— На эту сверку я остаюсь, — сказал он. — Дальше спросите снова.

Лиза передала ему лист. Карта была получена, но отправлять её целиком в городскую сеть она не стала. Виктория закрыла снимки документов, а Виктор убрал доску с ледяными копиями в деревянный ящик. Оригиналы остались на полке.

Лиза вернулась к карте и заметила серое пятно в пустом поле владельца. Оно вытянулось в плечи и опущенную руку; у запястья проступило белое кольцо. Имени рядом не было. Она оставила карандаш на столе и позвала Сомова посмотреть: силуэт продолжал заполнять поле, которого они не касались.

Глава 11. Долг на платформе

Марина узнала свой голос ещё у входа на вокзал. Из громкоговорителя над дверью он просил пассажиров оставаться на местах до завершения сверки. Последнее слово прозвучало с её привычной паузой, и женщина с ребёнком остановилась, хотя сотрудница вокзала уже открыла им проход.

— Я этого не говорила, — сказала Марина.

— Проходите, — сказал Максим, придерживая створку левой рукой. — Она показывает вам настоящий выход.

Женщина вывела ребёнка на площадь. В зале под временем отправления высветилось имя пассажира с долгом за сохранение маршрута.

У мужчины возле касс из руки выпал билет. Он наклонился, но белая буква охватила его запястье и притянула к колонне. Мужчина дёрнул руку, и буква растянулась до локтя. Билет остался на полу; под обычной стоимостью проезда появилась строка об обязательстве оставаться до расчёта.

У прохода к платформам Марину встретила дежурная по вокзалу. Она указала на табло.

— Дом обещал остановку на девять часов. У нас не прошло и трёх.

— Остановлены запросы первого каскада, — ответила Марина. — Лиза проверяла ваши сообщения. Эти билеты оформили позже, уже после запуска.

— Мне нужно вывести людей. На платформе ещё группа, служебный выход пока настоящий.

Марина открыла футляр. Дежурная посмотрела на Smyчок и достала телефон.

— Предписание вы читали?

— Да. Позвоните в штаб. Скажите, что я здесь и вы запросили помощь.

Пока дежурная звонила, Марина проверила Smyчок. Трещина не разошлась дальше, но трость под пальцами подалась. Запястье ещё болело.

— Запрос приняли, — сказала дежурная, вернувшись. — Решения пока нет. Работайте рядом со мной. Всё применение я внесу в журнал.

— Сначала отключите голос.

Электромеханик уже открыл шкаф связи. Он отсоединил громкоговорители в зале, оставив диспетчерскую связь. Голос исчез, но люди у табло не сдвинулись. Из билета на полу продолжали вытягиваться буквы.

— Экран тоже выключить? — спросил доброволец у кассы.

Дежурная остановила его рукой.

— Здесь подтверждение занятых путей. Пока питание общее, погасим и рабочую часть. Электромеханик разделяет линии.

Дежурная позвала проводников помогать пассажирам. Марина достала карточки Немого протокола, обозначив на каждой отдельный проверенный участок.

Проводница подняла карточку у колонны. Мужчина с притянутой рукой прочёл её и попытался шагнуть, но белая петля затянулась на рукаве. Марина подошла сбоку, чтобы не заслонять женщину с карточкой.

— Вы хотите выйти в зал ожидания? Там вас встретят.

— Да. Только руку освободите.

Марина сыграла две ноты и остановилась. Громкоговоритель под потолком молчал, но её голос донёсся из билета: «Подтверждение принято». Петля снова натянулась.

— Это ответ про выход, — сказала проводница. — Я слышала. Долг он не подтверждал.

Мужчина повторил отказ уже своими словами. Марина не стала заканчивать музыкальную фразу. Буква на рукаве ослабла, и проводница помогла ему отойти к следующему сотруднику. Тот показал свою карточку, дождался ответа и провёл его дальше.

Мужчина поднял билет и попросил сохранить для жалобы. Доброволец принёс конверт.

Спасатели МЧС принимали пассажиров по списку у выхода из зала ожидания. Марина прошла до служебной двери. Каждый отвечал человеку рядом, подтверждая следующий участок.

За стеклом показалась платформа. Чёрная линия между рельсами повернула к лестнице, затем выпрямилась, словно путь переносили с одного места на другое. Люди на дальнем конце отступили под навес, и белые буквы с наружного табло легли перед ними поперёк плит.

Дежурная передала по рации требование остановить движение у платформы. Диспетчер подтвердил задержку подходившего состава. Работник пути подошёл к лестнице, проверил нижнюю ступень ломиком и поставил заграждение: вместо спуска там уже было отражение рельса.

— Через пассажирский переход не выведем, — сказал он. — Есть служебный тоннель. Проверю обе двери.

Максим подошёл, держа правую руку близко к телу. Метка на запястье оставалась. Марина помнила назначенную ему роль из таблицы Лизы.

— Возьму группу под навесом, — сказал он. — Вместе с путейцем и проводницей. Если тоннель изменится, остановимся на проверенной площадке.

Марина посмотрела на его повязку, потом на лестницу. Хотелось послать с ним ещё человека от Дома, чтобы тот сообщал ей о каждом повороте, но у группы уже были свои свидетели.

— Я останусь у табло. Сообщаи, когда выйдете.

— Если плечо не выдержит, передам группу. Тащить людей не буду.

Он ушёл к служебной двери. Дежурная отправила с ними сотрудницу, знавшую внутренний проход. Марина вышла на платформу и остановилась у наружного табло.

Фамилии на наружном табло вытянулись в белые полосы и спустились по стойкам. Одна обвилась вокруг ручки чемодана; пожилая женщина потянула его к себе и едва не упала. Работник пути подхватил чемодан, а женщина отпустила ручку и отошла от края.

— Оставьте багаж, — попросила Марина. — Его вынесут после вас.

— Там лекарства.

— Покажите, где.

Доброволец расстегнул боковой карман, достал небольшой пакет и передал женщине. Полоса удерживала чемодан, но за лекарствами не потянулась. Проводница записала место оставленной вещи и подошла к следующему пассажиру.

Из рации пришёл голос Максима. Тоннель с обеих сторон проверен, первая группа готова спускаться. Марина видела, как проводница ведёт ребёнка за руку; его отец шёл следом, отвечая работнику пути у лестницы.

Под навесом оставались люди, которых удерживали билеты. Марина встала между ними и табло, повернувшись боком к путям. В лужице у стойки появилось её отражение. Оно поставило смычок на струну раньше, чем она подняла руку.

Марина убрала скрипку от плеча. Отражение довело движение до конца, и на мокрой плите проступила белая нота. Пассажир в светлой куртке сделал шаг к ней, но проводница загородила путь своей карточкой.

— Смотрите сюда. Прочтите, куда идём.

Он прочёл вслух и остановился. Марина сделала вдох, не поднимая смычка. На набережной копия ждала завершения мелодии; теперь она угадывала начало по следу её прежней игры.

Марина подошла к дежурной.

— Мне нужно, чтобы каждая группа отвечала по-своему. Без общего счёта. Пусть называют того, с кем идут.

— Люди растеряны.

— Тогда спрашивайте просто. Ребёнок может показать рукой. Только не отвечайте за него.

Дежурная передала это проводникам. Марина попросила выключить ещё один динамик у платформы; электромеханик снял с него линию, но её записанный голос продолжал доноситься из табло. Она больше не пыталась перекричать его.

Короткий отрывок оборвался после второй ноты. Проводница спросила женщину, готова ли та идти к лестнице. Женщина ответила, что сначала поправит обувь. Марина опустила смычок, давая ей время, а двое пассажиров в соседней группе начали говорить друг с другом.

Белые полосы на плитах сдвинулись в разное время. Между ними открылся проход к служебной двери. Работник пути поставил туда обычный резиновый коврик и проверил его край ломиком. Проводница перевела женщину, не дожидаясь следующей ноты.

Марина играла снова лишь после того, как группа застревала. Она не тянула людей музыкой к двери: спрашивала коротким отрывком и оставляла окончание им. Иногда ответом был голос, иногда движение, которое сосед подтверждал вслух. Буквы теряли общий порядок, и сотрудники успевали провести пассажиров через разрывы.

Из тоннеля вышел путеец. Он поднял карточку с отметкой первой группы, и Марина увидела в ней число людей, переданных спасателям на площади. Максим оставался внутри со следующими пассажирами.

— У второго спуска поменялся выход, — сказал путеец. — Там теперь зал, откуда начали. Мы остановились. Проверяем стену по креплениям трубы.

Марина шагнула к двери, но остановилась. Максим обещал остановиться при изменении пути и сделал это. Её музыка в тоннеле могла дать отражению ещё один ориентир.

— Кто с ними?

— Проводница. Сотрудница держит выход на площади. Никто дальше не пошёл.

Через минуту рация сообщила, что ложная дверь закрыта, а настоящий выход найден за ней. Работник пути подтвердил положение трубы с наружной стороны. Максим передал часть группы проводнице, чтобы самому пройти последним вместе с проверяющим.

Табло вывело оставшимся пассажирам новую цену. Под ней появилась строка с именем Марины и требованием общего подтверждения. Она увидела своё отражение сразу в двух лужах и отвернула голову, прежде чем лица успели совпасть.

Электромеханик нашёл отдельное питание наружного табло. При отключении пропадала отметка платформы, необходимая диспетчеру для остановки состава.

— Дайте удержать её вручную, — сказала дежурная в рацию.

Диспетчер попросил подтверждение с пути. Работник поднял сигнальный фонарь, а спасатель встал рядом, видя состав за границей платформы. Только после их ответа электромеханик разъединил линию. Время отправления погасло, но белые буквы остались на плитах.

Они больше не получали новых фамилий. Марина сыграла короткий вопрос для последней группы и сразу остановила смычок. В запястье отдало болью, и следующего отрывка она уже не смогла бы сыграть так же.

Мужчина с билетной петлёй на ноге ответил проводнику, что пойдёт сам, если тот даст руку. Проводник помог ему переступить полосу. Дежурная держала карточку у двери, пока последний пассажир не прочёл её и не вошёл в проход.

Тогда Марина убрала скрипку. Белая нота у стойки табло отделилась от отражения и скользнула по чёрному рельсу. Она прошла под ограждением туда, куда ни один пассажир не двигался.

Марина сфотографировала след. Снимок ушёл Лизе вместе со временем игры и записью дежурной. Та подтвердит, где звучала настоящая скрипка, но ушедшую ноту уже нельзя было вернуть.

Максим появился у служебной двери с проводницей. Он придерживал руку под локтем, и Марина подошла, не снимая футляр с плеча.

— Все вышли?

— Передали по числу. Одного мужчину пришлось вести обратно до проверенной площадки. Потом проводница провела его с путейцем.

— Плечо?

— Болит. Повязка держится.

Марина подала ему воду. Дежурная сверила число вышедших; оставленный багаж внесли отдельно.

В зале включили обычное расписание. Диспетчер разрешил движение по проверенному пути, а закрытую платформу оставили под наблюдением путевой службы. Марина услышала настоящее объявление с другим голосом: пассажиров задержанного поезда просили обратиться к проводникам в зале ожидания.

Телефон завибрировал в кармане. Лиза прислала схему, на которой музыкальный след продолжался от вокзала вдоль рельсов, затем переходил в городской контур связи. Конечная отметка стояла у временного штаба.

Следом пришло сообщение оттуда. Музыка Марины Сергеевны Морозовой объявлялась источником вторичных сбоев; ей предписывалось явиться на проверку. К уведомлению приложили снимок той самой белой ноты у табло. Марина сохранила уведомление рядом с записью эвакуации и попросила дежурную сделать копию сменной записи.

Глава 12. Тень не свидетельствует

Максим остановился у портовой ограды и переложил моток верёвки в левую руку. После вокзала плечо ныло даже в покое. Он мог проверять проход, но вытаскивать человека уже не рассчитывал.

Марина осталась у дежурной. Перед отъездом Максим показал ей сообщение Лизы: на карте возникла фигура с кольцом проводника. Такое же белело на его запястье; он возвращался за записью, от которой оно пошло.

У служебной калитки ждал Виктор. Он закрепил верёвку и проверил узел своим весом. Максим расстегнул рукав: белая полоса под повязкой замкнулась.

— Внутри не тяни меня сразу, если линия натянется, — сказал он. — Сначала спроси.

— А если не ответишь?

— Остановишь вход. Позовёшь помощь. Сам следом не иди.

— До первой смены выхода, — сказал Виктор. — Дальше проверяем заново.

Лизе Максим отправил время входа и убрал телефон. Белая тень стояла на другой стороне двора, возле закрытых ворот склада. Её плечо проступало сквозь кирпич. Максим подошёл ближе, чтобы видеть ответ.

— Я ищу запись о метке. Ты знаешь вход со склада?

— Он остался. К воде ведёт другой.

— Пойдём раздельно. Виктор увидит мой переход. Я подтверждаю твой отсюда, если ты решишь войти.

Тень повернула голову к воротам. Максим подождал, пока она снова посмотрит на него.

— Если перестанешь отвечать, я остановлюсь. Твоё молчание ничего не разрешает.

— И ты не решишь, что я ушла вместо тебя?

— Не решу.

— Тогда до причала. Там спрошу ещё раз.

Максим подтвердил вход тени через склад. Затем вернулся к калитке и принял страховку, дождавшись ответа Виктора.

За оградой причал оказался ниже, чем должен был. Первая ступень уходила к воде под углом, на котором нога соскальзывала; Максим сел на край и опустился на следующую, придерживаясь левой рукой. Верёвка шла через калитку; настоящий узел оставался виден до поворота за бетонную стену.

На месте спасения рабочего осталась борозда от троса. Швартовая тумба стояла по другую сторону прохода, а между ней и стеной чернела щель. Тень появилась возле складской двери и подтвердила, что готова идти до записи.

Они двинулись вдоль стены. На ощупь бетон сохранял старую крошку, хотя впереди выглядел покрытым льдом. Тень шла у воды, не закрывая ему выход. После шестого шага страховка потянулась вправо.

Максим остановился. Калитка, через которую он вошёл, теперь открывалась за тумбой, у самого края. В ней стоял Виктор и подавал рукой знак идти. Верёвка тянулась туда, но голос шёл с противоположной стороны.

— Линия остановилась. Ты цел?

— Да. Не выбирай слабинку. У меня ложный выход.

Виктор ответил, и Максим закрепил верёвку на выступе стены, оставив свободный участок до пояса. Фигура в калитке продолжала махать после того, как голос замолчал.

Из складского окна вышла копия Максима. Она опустилась на плиту, повторяя его спуск со ступени. Вторая появилась у тумбы; обе повернулись к тени.

— Живой свидетель прибыл, — сказала первая.

На стене проступило белое поле. Под словом «проводник» появилась пустая строка, и тень шагнула в сторону, прежде чем полоса дошла до её ног.

— Я пришла посмотреть запись.

— Для завершения достаточно подтвердить непрерывность.

Максим отступил к верёвке. Обе копии отступили вместе с ним, но их ноги прошли через борозду от троса, а его каблук упёрся в край. Он повернулся к левой руке второй фигуры.

Удар пришёл справа. Белая ладонь сжала повреждённое плечо, пока Максим следил за другой рукой перед своим лицом. Он упёрся пяткой в борозду и отвёл корпус к стене. Пальцы проскользнули по куртке; ткань затвердела, удерживая складку. Максим выдернул руку из рукава, не расправляя локтя, и оставил куртку копии. Холод прожёл кожу выше повязки.

Тень пересекла ему путь. У неё не хватило силы отбросить фигуру: белое предплечье вошло в такое же белое плечо и стало исчезать. Она отдернула руку, потеряв часть контура, и Максим увидел за ней воду.

— К стене, — сказал он.

— Там третья.

Он остановился. В гладком бетоне отражение уже поднимало локоть, приготовившись встретить его. Максим опустил ладонь к настоящей борозде и пополз вдоль неё, выбирая положение по краю плиты. Копии повторили наклон, но одна ушла сквозь бетон. У второй ступня зависла над водой.

Тень отступала иначе: после каждого движения Максима ждала и меняла сторону. Копия возле тумбы пыталась повернуться к обоим и на мгновение оставалась без лица. Максим успел дотянуться до свободной верёвки и набросить петлю на нижний выступ. Белая фигура ударила ногой туда, где секунду назад была его голова.

Бетон раскрошился. Ступня копии попала в петлю, задержав её на время одного шага. Максим ушёл за тумбу, но белая рука дотянулась до его метки.

Кольцо стянуло кожу. Максим прижал предплечье к бетону, не давая копии потянуть руку. Из белой ладони вытянулась строка: «Вход проводника подтверждён».

— Вход, — произнёс он. — Дальше я не соглашался.

Тень подняла голову к складскому окну.

— Я видела, как он вошёл. Назначение не подтверждаю.

Строка оборвалась возле последней буквы. Копия убрала ладонь, и Максим сумел отнять руку от плиты. Метка осталась, под ней уже пульсировала боль.

Путь назад разделился. В одной калитке Максим видел закреплённую верёвку, в другой — Виктора. Ни один вариант не совпадал с направлением голоса. Он достал Камень Звезды и положил на бетон у основания тумбы. Трещина дошла до кромки.

Максим поддержал его раскрытой ладонью. В глубине появилась короткая линия русла, перечёркнутая тёмным разрывом. Он поднёс Камень к страховке: светлая линия указывала на выступ стены, от которого они пришли. Проверять весь причал он не стал. Камень потускнел, а в трещине выступила влага.

— До угла линия настоящая, — сказал Максим.

На месте третьей копии в бетоне открылось окно. Внутри лежал лист, прижатый металлической планкой. От него к запястью Максима шла белая полоса, которую Камень не показывал. Максим убрал его в чехол и поднялся, опираясь на тумбу.

— Там. Посмотреть можешь и отсюда.

Тень не двинулась. На поверхности листа возникло её лицо, но рядом с ним уже стояло имя Максима. Он протянул левую руку, собираясь закрыть надпись, и остановился у самой планки.

— Я не буду тебя так называть.

— Даже если без имени они не выпустят?

На листе рядом с чужим лицом оставалось место для его подписи. Заполни его — и, возможно, калитка вернётся на место. Максим отнял руку от планки.

— Тогда искать будем другой выход. Если ты ещё хочешь искать со мной.

Тень подошла к окну. Белая форма отделилась от бумаги и встала между ними, вытянув к Максиму руку. У неё был полный контур, без потерянного предплечья. Пустая строка на стене заполнялась словом «свидетель».

Настоящая тень взяла копию за поднятую руку. На этот раз она не толкала: развернула кисть наружу и потянула форму от листа. У Максима отозвалась метка; он наклонился, но сохранил расстояние от окна.

Копия открыла рот. Тень разорвала её от плеча к груди, прежде чем прозвучал ответ, и белая оболочка сложилась у ног. Её собственная рука стала прозрачной; надпись перестала расти.

— Его назначение я не подтверждаю, — сказала она. — Моим присутствием его оплачивать нельзя.

В окне щёлкнула планка. Лист сдвинулся вниз, открыв верхнюю строку: «Единый проводник общей цены». Под ней стоял номер портового перехода. Максим узнал последние цифры — Виктор записал их после спасения рабочего.

Он достал телефон. Камера показывала пустое окно. Максим закрыл объектив от воды; появилась верхняя строка, но номер исчез.

— Прочти начало, — попросил он. — Только то, что видишь.

Тень повторила заголовок и номер. Максим произнёс их следом, записывая на диктофон. Они сверяли запись с бумагой; за тумбой поднимались копии.

Ниже открылись восемь отдельных строк. В каждой стояла ссылка на обязательство; край листа закрывал продолжение. Максим прочёл условие над ними: общий расчёт вступал в силу после подтверждения живого свидетеля. Подтверждение входа позволяло найти проводника, но для взыскания требовалось свидетельство о принятии им общей цены. После отказа тени у этого условия появилась отметка о незавершённой проверке.

— Они хотели твоим ответом закончить мой, — сказал Максим.

— Ты уже согласился?

— Вывести рабочего. Остаться за всех — нет.

Метка затянулась. Максим прочёл нижнее поле: до назначения нового свидетеля взыскание отложено.

— Отказали здесь. Значит, попробуют в другом месте, — сказала тень.

Максим кивнул. Лизе нужны были номер и условие для сверки с картой. Он просунул под планку край пластиковой карточки, и белая полоса мгновенно побежала вверх по его руке.

Он выдернул карточку. Метка вспыхнула; на коже поднялся пузырь, и запахло обожжённой тканью у манжеты. Максим зажал предплечье между коленями, не касаясь ожога. Вторая вспышка прошла по кольцу, заставив его прикусить губу.

На краю листа появилось предложение погасить запись вместе с исходным переходом. Белая полоса свернулась к планке, оставив свободный угол. Максим мог оторвать его левой рукой.

— Не трогай, — сказала тень. — Посмотри номер.

Рядом с номером проступила подпись рабочего из сменного журнала. Погасив переход, они уничтожили бы и запись его возвращения. Максим отнял руку от бумаги. Боль усилилась, но лист остался в окне. Он записал предложение об уничтожении на диктофон.

— Оставляем, — сказал он. — Скопируем, сколько видно.

Тень заслонила от воды нижнюю часть листа, не касаясь его. Максим снимал короткими кадрами: в каждом удерживалась лишь одна строка. На последнем появились место и срок взыскания. Он сверил их с окном.

Копии выпрямились. Максим убрал телефон и взялся за верёвку; тень отступила от листа, и окно закрылось.

— Назад вместе? — спросил он.

— До угла. Потом своим входом.

Прижав локоть к боку, Максим пошёл вдоль проверенной линии у стены. Копия повторила движение, но тень свернула раньше него, и фигура остановилась.

У угла он услышал Виктора. Максим назвал выступ, на котором оставил страховку, и попросил показать узел. Верёвка дрогнула после ответа; ложная калитка осталась неподвижной. Он увидел настоящую ступень и сел на неё, ожидая помощи снаружи.

Тень стояла у склада. Максим подтвердил, что видит её выход, и она прошла через ворота. Стекло потемнело; копии исчезли с причала.

Виктор помог ему подняться, принимая вес с левой стороны. У ограды Максим разрезал манжету рубашки, чтобы ткань не прилипла к ожогу. Снимать метку они не стали; Виктор связался с медицинским пунктом и накрыл повреждённое место чистой повязкой.

Телефон снова поймал сеть. Максим отправил Лизе снимки вместе с отдельной записью отказа тени. Время взыскания читалось без помех: шесть утра через два дня. Под ним был указан мост через Амур. Максим показал кадр Виктору. Кольцо под повязкой продолжало сжимать руку.

Глава 13. Служение на один переход

Алина придержала запястье над столом, пока Виктория затягивала ремень на футляре. Пальцы ещё сгибались не до конца. При попытке потянуться к колоколу боль возвращалась.

На экране рядом лежал снимок из порта. Максим прислал его три часа назад: мост через Амур, пустое место для свидетельства. Алина закрыла снимок. Колокол тоже назначал человека, прежде чем спрашивал, готов ли тот принять роль.

Виктория положила перед ней семейную расшифровку харбинской записи. На полях стояла пометка поздней рукой: «Звонарь продолжает служение, принятое родом». В прабабушкиных бумагах эту строку переписывали первой. Повреждённую страницу под ней считали пояснением.

Белая полоса дошла до слова «продолжает». Алина отодвинула лист от футляра, но полоса пошла следом. Виктория подняла карточку: «Убрать?»

— Оригинал расшифровки убери. Копию возьмём, — сказала Алина. — Нужно найти, что было до неё.

Лист лёг в ящик. Белый край исчез, но на стене за стойкой колокола проступила дверь. На её внутренней стороне читалось одно слово: «Звонарь».

Алина открыла футляр. Между серебряными половинами сохранился воздушный зазор; отдельный осколок лежал в своём гнезде. Виктор закрепил рядом со скобой колотушку на шарнире, чтобы можно было отвести её ременной петлёй, не сжимая обычный молоточек. Алина проверила ход здоровой рукой и вставила стопор.

Виктория надела перевязь футляра. Колокол понесёт она, а Алина будет управлять петлёй. Поворот футляра они заранее согласовали: после поднятой ладони Алины, с ожиданием следующего решения.

На карточке входа Виктория написала: «Ищем исходное условие. До первого помещения. Дальше спрашиваем снова».

Алина прочла и поставила свою отметку. На обороте она дописала, что отсутствие ответа означает остановку. Виктория прочла, подняла голову и показала раскрытую ладонь. Только после этого Алина подошла к двери.

За ней лежала заснеженная платформа. Тёмный вагон стоял без колёс, опираясь нижним краем на рельсы. В окне был виден стол с книгой; до него вела узкая дорожка вдоль стены.

Алина обозначила первый шаг пальцем. После ответа Виктории обе переступили порог. Через дверь ещё виднелся ящик с семейными бумагами.

Под подошвами ощущалась низкая вибрация. На платформе двигалась фигура из металлических пластин. Она несла прямоугольную печать на длинной рукояти и ставила её перед собой. Оттиски на снегу соединялись в полосу.

Вторая фигура перекрыла путь к книге. Её печать замкнула рамку вокруг окна, из которого выдвинулась бумажная полоска.

Алина прочла обращение к Звонарю. Следующая строка предлагала подтвердить вступление в службу, после чего архив обещал открыть подлинный текст. Под строкой уже проступала пометка о её родовой линии из расшифровки.

Она прикрыла её карточкой входа. От слов «до первого помещения» пошёл разрыв. Но на следующей полоске ограничение исчезло. Виктория показала вопрос: «Отступаем?»

Между последними оттисками на пути к двери оставался обычный снег. Алина чувствовала там прекращение нажима; пока можно было выйти.

— До стола я согласна. Подписывать службу не буду.

Виктория показала ей записанный ответ и приложила карточку к рамке. Архив открыл окно на ширину ладони. Внутри книги перевернулась страница, а фигура у стены подняла печать.

Они пошли между оттисками, подтверждая движение руками. На третьем шаге снег под футляром начал скользить к рельсам: белая дорожка тянула колокол вместе с несущей его женщиной.

Виктория упёрлась пяткой в стену. Алина потянула ремень футляра к себе и тут же отпустила повреждённой рукой — пальцы свело. Она перехватила петлю здоровой, проверила зазор и сняла стопор только со стороны чёрной половины.

Колотушка коснулась серебра. Толчок прошёл через ремень; рельс сдвинулся, освобождая дорожку. Металлическая фигура пошла за ним. Её печать ударила по месту, где секунду назад стояла Виктория.

Белая полоса сомкнулась на пустом снегу. Алина вернула стопор, остановив колотушку, и показала следующий шаг. Они прошли за спиной фигуры к вагонной двери.

Чёрное движение продолжало тянуть рельс. Под вагоном проступила тень колёс, и он начал отходить от платформы. Окно с книгой медленно уплывало. Алина задержала Викторию за рукав: продолжать этим способом было нельзя.

Свободный промежуток оказался сбоку, но туда выходил третий переписчик. Алина показала на него и перевела колотушку к белой половине.

— Остановить тех, кто закрывает нам проход. До двери вагона.

Виктория подняла карточку с теми же словами. Алина проверила её и отвела петлю. Белая половина отозвалась короткой вибрацией; на рукояти ближайшей печати появился зазор.

Переписчик застыл с поднятыми руками. Другой успел поставить ногу на дорожку, но дальше не двинулся. Белый край остановки дошёл до вагонной двери и погас. За границей площадки рельс ещё скользил.

Алина вставила стопор. Они вошли в вагон, пока между ним и платформой сохранялось расстояние в один шаг. Виктория поставила футляр на стол так, чтобы обе половины оставались раздельно.

На книге лежал металлический указатель. Алина отодвинула его здоровой рукой и увидела повреждённую страницу. Поперёк текста проходил след сгиба, тот самый, который на семейной копии принимали за край строки.

Внутри сгиба она ощутила промежуток. Он не совпадал с пробелами между словами: длинная фраза обрывалась, затем продолжалась уже в другом месте. Алина повела пальцем над бумагой и попросила Викторию отметить начало и конец.

Виктория достала копию расшифровки. Совместив сгиб оригинала с краем копии, она написала в блокноте: «Здесь пропущено условие?»

— Здесь перестают принуждать, — ответила Алина. — Что написано, я не знаю.

Виктория подсветила сгиб карманной лампой. Проявившиеся части букв она перенесла на лист, оставляя пробелы в непрочитанных местах.

Снаружи печать ударила в вагон. Вибрация прошла через стол, и металлический указатель сдвинулся к колоколу. Алина перехватила его и положила на дальний край. Белая остановка закончилась у заданной меры; фигуры шли вдоль платформы, обходя её снаружи.

На обороте страницы спорное место повторялось с номером перехода. Виктория выписала уцелевшие слова: «Служение принимается добровольно, на один переход и до нового согласия».

Алина перечитала. Затем попросила подложить семейную расшифровку рядом. В поздней записи вместо конца условия стояло «до нового поколения», а ниже появлялось продолжение о принятой родом службе.

Ей захотелось забрать семейный лист и сложить надписью внутрь. Она оставила его на столе, прижав угол рукавом. Именно эту строку она повторяла, когда училась пользоваться колоколом. Прабабушкины бумаги не давали ей выбора, потому что до неё их уже прочли без потерянного условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.